



СМЕНА

16
1948

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ШАХТА № 8

Под открытые люки угольной эстакады для погружки вагонов — очередей железнодорожных составов.

Гулко ударяется, падает на платформы большие куски угля. С великим треском срываются корехи. Мягко ложится густая, бархатная угольная пыль.

Проездит микста, дуется, в платформы, выходящие по краю, вымываются за пределы шахты. На их место поступает новое. Потом еще, еще и еще. Сотни тонн угля, этого «железа промышленности», идет на-гора шахты № 8 трестов «Сибирьуголь». Сотни тонн в сутки! Кто же эти люди, чьям трудом неслышимо добываются тонны ценного топлива? Нет Ваське-лину Крашенибину, Петяшу Кухарю, Стасю Борису, Алексею Васильевичу Гулякову, Михаилу Ивановичу Воронкову и еще десятку таких же молодых представителей шахтерского племена.

Рекомендуются и держатся они чуждо, обидливо, как люди, хорошо знающие себе цену. А поостережь — ведь каждому не более двадцати лет! На шахту работают недавно. Но все уже заслужившие шахтеры: за плечами — по летам, а по делам.

Шахта № 8 — молодая шахта: в сентябре она отмечает своего первую годовщину. Шахта № 8 — молодая шахта: в сентябре отмечает процентов работающих на ней — молодежи. Шахта № 8 из месяца в месяц перемолодит ян.

Известно в преданиях людей с шахтой связываются представления «что-то черным, грозным, неуловимым». Где уголь, там грохот. Где уголь, — там нет порядка.

Начего похожего им не увидишь на восьмой шахте. Углейный двор обнесен акуратным забором. Но дворе — несколько небольших белых строений, в которых расположены подстанции компрессорной, подстанции электрические фонаря, четко вычерчивают в воздухе породооборачивающую эстакаду. На высоту пятиэтажного дома поднимается красная кирпичная кладка конфер с петлючатой звездой наверху. Беспорядочно выложены, потрескались идиет на-гора уголь. Все предельно четко, сполна и ординарно.

Электрический звонок дин Александр Лобанович, что нагоняет в корня шахтного строения — рождена и уголь можно поднимать. Нажим на рычаг — скроб, металлическая корзинка, в которой поднимается на-гора уголь, стремительно взлетает вверх. Через несколько минут черныя, лоснящиеся глыбы его, уже очиненные от порошка и раскисированные, лежат на платформах.

Первое, вышедшее и очинь обманчивое впечатление, которое производит шахта на человека, — выходящие подымающего صدا, — что все здесь делается просто и легко. Кажется, что и так, вилу, всё делается само собой.

Клеть медленно опускается в шахту. Вместе с рабочими мы идём к сборному шптреку — этой «главной улице шахты. День и ночь не затихает здесь движение. Мчатся электровозы. Мелькают огни шахтерских лампочек. Раздаются самые разнообразные шумы и стуки, коготь, как вода земля, звучат особенно отчетливо. Нет стука, напоминающего вулканическую очередь. Совсем близко от нас работает отбываемый молоток один из лучших проходчиков шахты, Исмаил Хасанин.

Исмаил весь тяжелою телом лает сплывшее с ним. Внимом движения, медленно выводит оторое жало молотка в высь. От пласта откололся большой кусок угля, за ним — другой, третий... Работает Исмаил быстро, уверенно, так, как учи его отцы, старый шахтер.

Исмаил не может без улыбки вспомнить тот день, когда он вместе с отцом и первым раз отправлен в шахту рубить уголь. Он хотел сразу же доказать всем, и в первую очередь отцу, что из него получится замечательный рабочий. Отец попросил прирнести лопату — бревно для крепления. Исмаил побоясь на дугую конец шптрека, схватил вместо



На снимках: вверху — один из лучших проходчиков шахты № 8 Комсомольского Исмаил Хасанин; внизу — машинист подьема Илья Елосов.

одного два бревна, и так же быстро направили обратно. Не заметив дыма для стопа подогнанных Илья Елосов с голыми руками в ней. Мокрый, растерянный и смущенный, появился он перед шахтерами. Кухарю и Стасю, не обладаю его пылью, но заставило его бегать босиком вонючих. Сейчас комсомолец Исмаил Хасанин — отпущенный мастер шптрека. Он вымолотил ян на меньше чем на 15 процентов.

Но обфобный молоток, как и обуюн, на восьмой шахте прирняется все меньше и меньше. В забоях стали работать сложнейшие углепогружающие машины. А слово мастер гудит и ход угольной комбайн.

Вполь длинного шптрека движется лентка с углем. За ленткой слышатся металлический скрежет и гудит. Самые крупные машина подгрывает под себя, как журавлиный колонну на ленту. У машины стоит горный мастер участка Николай Сироткин.

За несколько минут до нашего прихода машина давала небольшие перебои. Горный мастер уже тут как тут. Он озабоченно склонился над машиной, стараясь как можно скорее устранить повреждения. Но, оказывается, ничего серьезного нет. Просто-напросто развалились кон-такт.

Убедившись, что всё в порядке и в присутствии его нет необходимости, он направляется к сборному шптреку, там же находится с отплаткой, и у боковых шптреков и в 11-й фазе выключаются несколько вагоночек с углем.

Николай Сироткин жмурит наисуровенного отплатчика, но, заметив приближающиеся отплатки электровоза, быстро останавливается и совсем уже мирно продолжает, что он идет в сторону шптрека, гудит, как там обстоит дело.

Николай Сироткин не намного старше всех других рабочих, но авторитет его непреклонен. Самое главное — чтобы вагоночка не забурлилась, — в горле молодогожого ружьяго машиниста электровоза Маруся Воронкова слышатся несомненно, наша работа ушла, — говорит она — еще не жутко, за каждого шптрека вагоночки ползком-ползком. Если нужен прогоняет, а ты лопи рабочих выводит тебя из беда. Забурлилась вагоночка, — значит, ошела с колес. Из-за неё одной весь поезд стоит. Нет, самое главное для меня — это чтобы вагоночка не забурлилась.

Маруся Воронкова только что закончила смеку. Улыбка её не утратила того напряжения, с которым она изматывалась, всё время вперед, ведя свой электровоз. И говорит она, ещё нешто горючая. Её сегодня досталась! Только участок горного мастера Николая Сироткина выключили плав дубачи угля на 213 процентов, другие не выключили отплатки. Казалось бы, конча не будет её рейсам.

Кажется, что Маруся сегодня угольница. Но она не жалуетца на отплатку. В говорит своей дубаче с неподдельной радостью. Она любит труд, гордится своей горняцкой профессией.

Иногда, хорошая работа, которую никогда не поминает на какую другую, говорит молодёжь шахты № 8. А поживаетца работу — в этом уже половина успеха. Шахта № 8 день ото дня всё увереннее набирает темпы добычи угля. За лучшее показание по всеобщим социалистическим соревнованиям выделен молодой шахтер протрудился Министерством угольной промышленности Западных районов страны на уголь шахтерской дубачи, но что обязательно, которое лавки на себя шахтеры дадут, и всеобщую награду «Дню шахтера» 16 тысяч тонн сверхпланового угля — будет вышито.

А. ШАПОВАЛОВА.

Туда, трелл «Скорутовуголь».

Фото И. Ляшенко.

Фото Г. Борисова

Молодые хозяйки, Звеничмы, орденосцы Клавя Воронина
и Нада Нюникова с секретарём Дмитровского райкома ВЛКСМ
Александром Камшиновым.
[Читайте очерк «Будни»].



СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Август. № 16. 1948 год.

Год
издания
25-й



И к вам пришёл людей учиться...



У молодёжи много вопросов к нему...

Будущие

С. КРУТИЛИН

Бывает в течение короткой августовской ночи так: одна удаившие мгновения, когда всё вокруг будто замирает, погружённое в глубочайший предугрошенный сон. Даже листья тополя, что расстёт под окном, и те притаились, приумоладили, утомлённые дневным зноем. Тихо. Лишь откуда-то с полей изредка доносится глухие звуки: где-то работает молотилка. Спит маленький районный городок. Пустынным улицам. В окне второго этажа большого каменного дома, стоящего на центральной площади, горит огонь. За столом, беседуя, сидят два человека: высокого роста сухощавый пожилой мужчина и юноша в чёрном костюме с комсомольским значком на груди — Александр Александрович Разуваев и Саша Кампунков. Секретарь районного комитета партии большевиков и секретарь райкома комсомола. Беседа их длится уже более часа. Разуваев, склонившись над широким листом бумаги, с помощью карандаша подсчитывает количество зерна, сданного сегодня колхозами района на пункт «Заготзерно». Тубы его беззвучно шевелятся: «8300... 9500... 10200...»

— Малоовато. Если бы не Костиню, — совсем пахло... Это там твой ребята, из комсомольской бригады, на старой молотилке дали за смену более сорочку тонн... Молодцы...

Кампунков отвечает кому-то по телефону. Он не услышала похвалы.

— Ты, Саша, чем завтра намерен заниматься?

— Мне необходимо побывать в Труновке. Там никак не получается с созданием комсомольской организации. Погуляю одной девушкой — не справилась. Вытащала даже внести бору в заблуждение: говорит, что в деревне нет молодёжи комсомольского возраста.

— Кто она? Как её фамилия? — Разуваев внимательно посмотрел своими чёрными пронзительными глазами в лицо Кампункову.

— Жена Попова. Из артели «Ремесленник».

— А... попрыгунья! С золотыми косичками. Знаю, знаю... Хорошая девушка... — сказала и опять погрузилась в подсчёты.

— Не помогли во время, — вступил строго проговорил Разуваев, приподнявшись из-за стола. — Девушка впервые получила ответственное комсомольское поручение. Растерялась, не зная, с чего начать, а вы не подсказали ей, как и что...

Кампунков встал и поднялся и стал прощаться. Разуваев оставил его.

— Ты в Труновку поезжай вечером, — сказал он. — Погуляешь с молодёжкой, посмотришь, чем она занимает своей досуг. А утром загляни в «Колос». Там для тебя деа есть. Думаем зимой у Крутиковского агроинженерского курса организовать. Посмотри, потолкуй, как там настроена молодёжь.

...
— Ещё раннее утро, а в двух небольших комнатах, занимаемых райкомом комсомола, уже жарит рабочее оживление.

Четвёрть девятого, будто по команде, к Кампункову один за другим заходят члены бюро: по утрам обычная летучка. У каждого свой вопрос. Ангелина Борцова, учительница, высокая поаномалия девушка, проверяла готовность школ района к началу нового учебного года. Она докладывает о недоброкачественном ремонте школьных помещений в Гришинском и Костин-

ском сельских советах, требуют постановки перед райсоветом вопроса о заготовке топлива для школ. Александр Уайнов, комсомольский организатор ремесленного участка № 43, просит назначить внеочередное заседание бюро: есть люди на приём. Иван Бухаров, комсорг ЦК на заводе фрезерных станков, забегая в райком всего лишь на одну минуту: он на дилк был в пионерском лагере своего завода, дети просили привезти к ним «ядра Сангу»; у пионеров много к нему вопросов.

Кампунков слушает доклады своих помощников. Времени мало. Всех ожидает работа. Он изредка записывает что-то в свою маленькую записную книжницу, задаёт вопросы: а как деа с ремонтном обобщений в ремесленном участке, сколько центнеров зерна за ночь намолотили молодёжно-комсомольские молотильные бригады, каков рост членов добровольных обществ содействия армии, авиации, флоту? Принимаются безотлагательные решения, назначаются люди, ответственные за то или другое деа.

— Бюро завтра, в восемь вечера... Всем удобно? Всем! Хорошо. Днём я в «Колосе», возможно, по пути заеду к твоим ребятам, — говорит Кампунков, обращаясь к Бухарову, — а вечером в Труновке...

Члены бюро расходятся. У каждого есть конкретное поручение, участок работы, люди. Ещё два — три слова своему заместителю, звонок домою, чтобы к обеду не ожидал, — и, усешился на мотоцикл, секретарь райкома уезжает ульничой выезжает за город.

— Внутренний колхоз «Колос» расположен на горе. У пруда, за деревней, — колхозное гумно. Не заезжал в правление, Кампунков спит на токе. Молодья в полном разгаре. Широкий навет, где стоит застрёмолотилка, кажется маленьким и незаметным перед громадным стором золотистой соломы, выросшим рядом с ним. На ауляжке, возле тока, сидит, отдымая, человек десять колхозников и колхозниц. Кампунков направляется к ним.

— Катя! Смотри, Саша приехал! — раздаётся звонкий девичий голос.

Секретаря райкома окружает молодёжь.

— Вы что так давно к нам не заезжали? Мы уже соскучились! — затараторила Дуся Чокогорова; она говорила так громко, будто рядом налим по меньшей мере из сотни орудий.

Положа Дмитрий Сергеевич Бакжия — председатель колхоза. Вспоминается лет бесценно руководит он колхозными хозяйством. Приземистый крепшн, он, несмотря на свои пятьдесят шесть лет, движется быстро, уверенно.

— Ну, значе, Кампунков, прибыл? — неторопливо проговорила он, зарывался.

В колхозе «Колос» лучше в районе посеводческое хозяйство. Более двенадцати лет на участке, раскинувшегося на площади 87 гектаров, агроном Вадерия Константинович Крутиковский ставил опыты по обороту наиболее устойчивых и производительных сортов пшеницы, ржи, овса, гороха, ячменя и других сельскохозяственных культур, по применению всевозможных минеральных удобрений и оптимизаторе. Опыты Крутиковского известны далеко за пределами района. За советами к Крутиковскому приезжают не только агрономы других колхозов, но и профессора Сельскохозяственной академии имени Тимирязева. У старого мастера высокие урожаив есть чему поучиться молодёжь. Кава

Ворогина и Надя Новикова, комсомолки-звеньевые, которым Валерий Константинович помогал советами и личными указаниями, получали в прошлом году урожай ржи по 25—26 центнеров с гектара в поле, площадью 11 гектаров. Правительством награждено девушек и их учителя, агронома Крутиковского, орденами Ленина.

Мысль о создании при колхозе «Колос» молодежной агрономической школы заинтересовала и председателя колхоза, и агронома, и комсомольцев. В объединенной комиссии вместе с Крутиковским, секретарём комсомольской организации Катей Чучкиной и звеньевыми Надей Новиковой, Клавой Ворогиной и Дусей Кочегоровой подробно обсуждали план создания такой школы: сколько человек одновременно могут обучаться, где разместить оборудование и т. д. Они посетили и опытный участок. Старый агроном, переходя от деланки к деланке, влюбленно рассказывал о своих опытах, о том, какие широкие перспективы открываются перед человеком, когда он обогатён наукой, знаниями.

— Будем учиться! — в один голос закричали комсомольцы. По пути с поля Камшонков зашёл на кирпичный завод. Более чем в двадцати колхозах района налажено производство кирпича, но не во всех хозяйствах достаточно квалифицированных специалистов. Камшонков по-хозяйски внимательно осмотрел производство Вилкуевского кирпичного завода, потребовала кирпичи на зvon, ударил их друг о друга: «Хороши!» Поговорил с мастером обжига Сергеем Матвеевичем Алехиным, с молодежью, работавшей на заводе.

— И к вам придётся людей учиться...
— Скорее хочется уже к заводу, когда секретарь райкома комсомола выехал из Вилкуова. «В пионерский лагерь сегодня не успею... Поеду прямо в Трувёнку», — решает он.

Дорога в эту отдалённую деревню идёт берегом реки Яхромы. А там, куда ни взглянешь вдалёк, прозрачные глубокие, изломанными водой рытвины. Кое-где видны стога сена, вдалеке группа колхозниц коптит стову. Камшонков вспоминал, как впервые пришёл на эту землю комсомольцы. Вот здесь были временные лагеря, где жило около полсотни тысяч молодых колхозников и рабочих индустриальных предприятий. Они жили с утра до поздней ночи, стоя по колено в воде. За две недели они выкупили 52 800 кубических метров сена, раскормили 145 гектаров мелколесья и осушили более 200 гектаров болота.

«Этот, нет, вот тот ров, где стоит подбитый немецкий танк, за два дня вырыл Иван Пичаев и за неделю — Валентин из села Зарвара. Камшонков очень хорошо запомнил эти парни. Они ежедневно выполняли по 6 норм. Два кубических метра вместо 4. Потом их приняли в комсомола. ...А тот, чуть подальше, следуя примеру староженов, рыли Виктор и Егор Кулагины из Царевского колхоза. Тотчас же комсомольцы «Надя, комсомольская земля», — думает Камшонков. Ещё кое-где видны остатки от непроходимого болота, которое простиралось здесь на несколько десятков километров, — сухие чокчи, раскорчёпанные пни. Раньше здесь только длали водоемы, теперь раскисшая земля. Через два года из этой земли будут огорода, которые принесут в семь раз больше овощей, чем знаменитые Альбертские поля орешника...»

Уже солнце скрылось за горизонтом, когда Камшонков въезжал в Трувёнку. Давно вернулись колхозники с полей, затихает по-прежнему село. И только неутомимая молодежь не знает усталости.

Где-то у околицы заливается гармонка, слышатся звонкие мелодии девичьих припеков. Веселится трувёнская молодежь, а вместе с молодежью и Маша Камшонкова. Он и припеки не хулит, любой припевок знает да ещё затянет смелостно, знакомые ему с детства. Быстро завязывается знакомство, возникает беседа. Вот эту быстролозую, в сереньком платье девушку он видел ещё месяца три назад, на районном съезде передовиков сельского хозяйства.

Секретарь райкома обещает приехать к ним послезавтра. Пусть они к вечеру соберутся все вместе.

Незаметно прошла ночь, другой. Уже пора звонкогласным пёвучим раскисать по домам: завтра снова с зарёй в поле. Камшонков, простившись с молодежью, сплет в полях к молоткам. А чуть спит он уже мёрз на ногах. Новый день — новые заботы. Страдная пора. Будни сельского комсомольского работника. Они заняты незаметными, малыми делами. Но из этого малого вырастают большие дела... Сегодня создана молодёжная агрономическая школа... её воспитанники завтра понесут знания в среду колхозников. Сегодня принято в Коммунистический союз молодёжи 7 юношей и девушек села Трувёнки — завтра из них выделится вожак, которые организуют молодежь, сплетят её, поведут за собой. Сегодня осушено 200 гектаров болот — на следующем лето на месте топи вырастает огорода и помидоры. Сегодня восстановлено силами комсомольцев два корпуса Яхромынской мануфактуры — завтра начнётся строительство нового завода заветоров...

— Глубокая ночь. Туго. Спит городок. Безмятежны дома. Пустились улицы. В одном окне второго этажа большого каменного дома, стоящего на центральной площади, горит огонь. За столом, беседуя, сидят два человека: высокого роста сухощавый пожилой мужчина и юноша в чёрном костюме с комсомольским значком на груди — секретарь райкомпарта Константа Шурга большевик и секретарь райкома комсомола. Идёт серьёзная, увлекательная беседа о прошедшем дне, о планах на завтра.

г. Димтров,
Московской области.



У МОГИЛЫ ГЕРОЯ

Гвардии рядовой Александр Матросов. Кто в нашей стране не знает имени героя-комсомольца! Двадцатидвухлетний воин самоотверженно пожертвовал своей молодой жизнью во имя Родины, во имя победы. Матросов телом своим амбразуру дзота, который мешал продвижению вперёд, и этим обеспечил успех наступающей роте.

Подвиг верного сына ленинского комсомола вошёл в историю Великой Отечественной войны как один из самых ярких примеров советского патриотизма. И страна не забыла своего юного героя. Матросову посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. Приказом товарища Сталина именем Матросова назван гвардейский стрелковый полк, в котором он служил. Комсомолец Александр Матросов стал подлинно народным героем, любимцем советской молодёжи.

Александр Матросов был похоронен около деревни Чернушки, в бою за которую он погиб. Но трудно было добраться до могилы героя. Болота преграждали путь многочисленным делегациям, стремившимся почтить память великого комсомольца на месте, где покончил его прах. Грудящиеся Великий Луг возбудили ходатайство о перенесении останков героя в их славный город, быстро возродившиеся после войны. Министр Вооружённых Сил СССР Маршал Советского Союза Н. А. Булганин удовлетворил их просьбу.

Торжественно прошла церемония перенесения праха Александра Матросова. Шестьдесят километров отделил деревню Чернушки от Великого Луга. И на всём пути к медленно движущемуся траурному cortege приходили жители окружающих деревень. На кратких остановках стужиной стужиной возникали митинги. Колонники возлагали на гроб цветы и веники.

Александр Матросов похоронен на высоком берегу реки Ловати, откуда возмёт своё начало городской парк культуры и отдыха. На могиле поставлен памятник, построенный по проекту местного скульптора Алексева.

На снимке вк. Вверху — торжественно-траурный митинг в городе Великом Луге. Почётный караул у гроба с останками Героя Советского Союза А. М. Матросова. Внизу — могила героя.

Текст С. Зыкова Фото О. Нейлова



«ВАРШАВИЯНКА»

Молодонькая сельская учительница Татьяна Логунова сидела у открытого окна. Был тихий июньский вечер 1941 года. Люди в селе рано легли спать. Короткие сумерки и золотистый закат над тёмной кромок леса предвещали и на завтра погожий день.

— Передаём песни революционной подполья, — рвался голос из репродуктора. Прескромный хор испанки «Варшавянку», затем «Беснуётся, тираны». Эти песни всегда вызывали в Тане хорошее воление.

— Кто же автор «Варшавянки»? — стала припокивать учительница и нахмурилась. Она никак не могла вспомнить и тут же дала себе слово: завтра обязательно навести справку в школьной библиотеке.

Оказалось, что автором «Варшавянки», как и другой её любимой песни, «Беснуётся, тираны», был старый большевик, академик Габ Максимиланович Кржижановский. Он написал эти песни много лет тому назад в тюрьме. «Варшавянка» быстро распространилась по России и ещё в прошлом веке стала одной из любимых песен революционной подполья. На берегу широкого Енисея её пел в хоре смельчаки Владимир Ильич...

До сих пор Татьяна знала Г. М. Кржижановского как одного из советников лейпцигского ГОЭАРО. Отец — делегат VIII съезда Советов — рассказывал ей, как на трибуну поднялся небольшого роста человек, с седой борокой киничником и густыми, как усы, бровями, и с кипиловским энтузиазмом стага говорит о чудесных планах электрификации нашей Родины, — и вдруг этот человек, старый революционер и замечательный учёный, — автор популярной песни...

Потом началось война. Круто переменялась вся жизнь Татьяны Логуновой. Скромная сельская учительница стала мужественным бойцом.

Три года была Татьяна Логунова партизанкой. На её глазах убили отца и брата, и сама она чуть не была погребена заживо. О пережитом молодая девушка написала болющую повесть «В лесах Смоленщины».

Зимой 1941 года с этой книгой ознакомился академик Кржижановский. — Вы непременно должны прочитать «В лесах Смоленщины», — горячо убеждал он всех своих друзей. — Мы с вами, старики, не испытывали и своей доли того, что вынесли комсомольцы Смоленщины, хотя и нам порой бывало нелегко. Я бы на по-

вести Логуновой поставил заглавием сава Владимира Ильича, сказанные ещё в восемнадцатом году: «Трудно сейчас, очень трудно... Ни французши, ни англичане, ни немцы не выдержали бы такого отчаянного положения. А мы, русские, советские, выдержим! Только мы выдержим!».

Логунова показала, каков у нас народ. И написал об этом со светлой душой и большим талантом. Мы с женой дважды читали повесть...

Кржижановский очень хотел познакомиться с Логуновой, крепко пожать ей руку.

— Но разве ко мне, старику, она пойдёт? — шутливо сокрушался он. — Такой Тане подстать дружить только с такими молодцами, как она сама...

Татьяна пришла. Застенчивая, молчаливая. Она смущённо покраснела, когда академик восторженно встретил её и громко-гласно объявил её «настоящей русской красавицей». Он усадил девушку рядом с собой и смотрел на неё приветливыми глазами.

— Так вот вы какая, Танечка! Татьяна и Кржижановский крепко подружились. После каждого посещения дома Кржижановского Татьяна Логунова уходила обогащённая новыми знаниями. Зрелищная академик казалась ей неисчерпаемой, и обо всём он говорил так увлекательно, что его хотелось слушать часами. «Как мало я знаю! Как много мне нужно ещё узнать», — думала она.

Предоставив сильное недомогание — по следствию тяжёлых ранений и контузий, — Татьяна Логунова много училась и работала. Раньше намеченного срока защитила она диссертацию и получила звание кандидата исторических наук, стала в действительность новую книгу. Но ей всё казалось, что сделала она ещё слишком мало. Тёплые отношения Габса Максимилановича подбуживало, что большевик-учёный видел в ней комсомолку, представлявшую дух отряда молодёжи, который воспринял традиции и дух старой революционной гвардии. И дружба их была дружбой двух поколений, стремившихся к одной цели.

И вот снова тихий летний вечер. Татьяна сидит у Габса Максимилановича. По радио передают песни революционной подполья. Они непременно волнуют её.

«...Мы поднимем гордо и смело
Знамя борды за рабоче дело.
Знамя великой борды всех народов
За счастье мир, за счастье свободу.
На бой кровавый, святой и правый...
Марш, марш вперёд, рабочий народ!»

Сурово и величаво звучит «Варшавянка». Академик Кржижановский вспоминает о том, как более пятидесяти лет назад создавалась эта песня.

В Бутырской тюрьме ждали отправки в ссылку члены «Ленинского Союза рабочих». Их называли рабоче-революционеры. Они привезли с собой в тюрьму неизвестные революционные песни. Боевые мотивы понравились «старикам».

Дословный перевод с польского не удовлетворял русских революционеров.

— Габса, надо написать наш текст, — потребовали они у своего «поэта», молодого инженера Кржижановского.

И Габ Максимиланович сочинил новые тексты «Варшавянки» и «Беснуётся, тираны».

В общей камере устроили первые спектакли. Среди польских рабочих была одна атеистическая сложения человек. По утрам, шутки ради, он делал гимнастику, выжимая худенькое тело «поэта», как штангу.

— Откройте дверь, — попросили его. Поляк своим могучим телом навалился на дверь. В камере грянула «Варшавянка».

— Прекратите безобразие! — испуганно заорал надзиратель по ту сторону двери.

Хор стал петь громче. Лязгнув замком, но открыть дверь, удерживаемый богатырём, тшцудушным тюремником, конечно, не мог. В коридоре, готовя подковыривать железом слюноганы, на помощь надзирателю бежали жандармы. Хор пел всё громче. Через око камеры слова революционной песни вырывались в тюремный двор.

— Молчать! — надрывались жандармы, сияясь открыть дверь, но поляк крепко держал её.

«Беснуётся, тираны!» — неслись в ответ грозные слова песни. И пока она не была протнута до конца, жандармы не впустили в камеру.

— Нам нечего было терять, потому что свободу мы уже потеряли, — с всебоями искорками в карих глазах закончила академик свои воспоминания.

Николай СУСЛЕННИКОВ

ПЕРЕД ЖАТВОЙ

Тропа в хлебах белым-бела,
И мне легко шагается.
А из-под ног перелепла
Со свистом поднимаются.

Кружат бесшумно ястреба,
Рескинув крылья узкие.
Стоят высокие хлеба —
Задумчивые, русские.

Звонит кузнечик в тишине
Про урожай сказанье.
Пшеница кланяется мне,
Земли своей хозяйну.

Вдали над лугом звильными
Сплошное птичье пение.
Навстречу сторож Никодим:
— А, наше вам почтенье!

— Ну как дела!
— Дела идут,
Дела у нас налажены.
Народ у нас хороший тут:
Ружьишко не заряжено.

У Никодима борода
До ордена без налести!

— У нас в колхозе никогда
Не замечалось шалости.

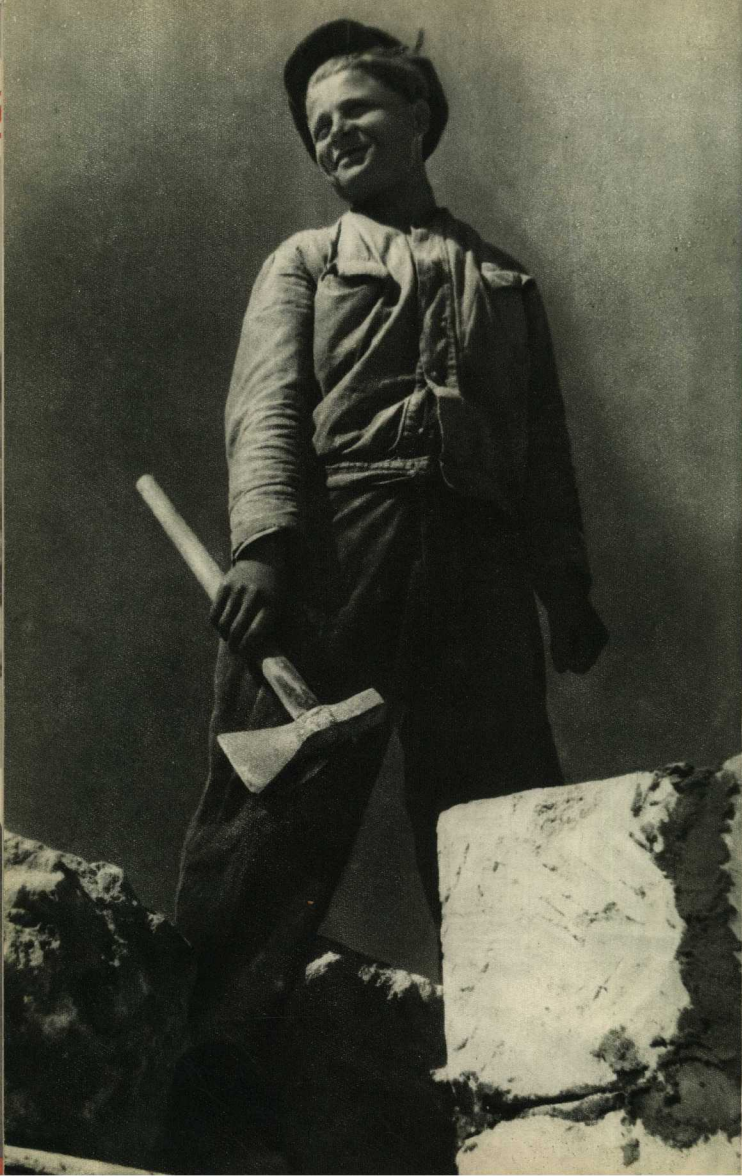
Стоим. Беседуем. Кругом
На поле — загляденье.

— Сам-десять нынче соберём
И уж никак не менее!

В полях народ.
Народ поет.
И труд в тшце песни слывится.
Земля колхозная цветет,
Моя земля-красавица.

г. Иваново.





Воспитанник школы ФЗУ юных строителей Владимир Сорченко — участник стройки на железнодорожном вокзале.

Фото И. Шарина

ЛЕСНАЯ ДОРОГА

из РАССКАЗОВ,
ПОСТУПИВШИХ НА КОНКУРС

I

Лес безмолвствовал. Сосны ещё дремали в синеватом сумраке, прудурейный туман проливался между ними, большими ключьями оседал на кустах орешника. Внизу, под обрывом, ручья Серёжа сонно обтекала чёрные коряги и покрытый зелёным илом и гнилой утол — дрова, оставшиеся у берегов после прошлогоднего спава. Безлюдной была лесная дорога с глубокими колеями. Нигде не видно, не слышно человека, только на площадке лежала кепка-то брошенный являют.

От тойны, от реки Серёжи, от земли и воды поднималась испарения. Сизые дымки курчались над зелёными и зыбкими коврами болот, над чёрными омутами. Дымки смешивались с туманом — и всё белоело в лесу, всё становилось невидимым.

Наступало утро, и лесная прудурейня сырость уже сменилась лёгким, сухим холодком, и в лесу уже не пахло прошлогодними, прелыми листьями. В лесу был тот утренний холодок, когда человек молодеет от густых и терпких запахов хвои, земляники и только что подвившихся из-под мха грибов.

— Пошёл вперёд, боровагой! — сказала мне мой спутник, мастер дальнего сплавного ассуатства Степан Иванович Ширнев. Степан Иванович, шестидесятилетний старик, высокий, широколицый, голубоглазый, с длинными седыми волосами, подстриженными в кружок, был знитком сплавного дела на лесных речках Серёже и Теше — мохких, быстрых, споворивших.

Летом Ширнев жил не в деревне, а в лесных шалаашах. По вечерам он ставил на Серёже плетённые из живого прутья мурды, проводил бессонные ночи над дуржежной сенью и подлускал. За плечами у Ширнева было двудесятое ружьё отличной тульской работы на боеу по соновым ишалам, покрывавшим большую сумка-самодла, шитая из просмоленного брезента. За солдатским ремнём, подшивавшим снизу короткую куртку из «чёртовой кожи», у Степана Ивановича поблескивала остро отточенная лесная топорик.

Ширнев шёл рядом со мной, а направлялся, мы с разьезда Венеч к верховьям Серёжи, к дровиным складам, где после прошедших ливней наши сплавщики готовились сбрасывать в реку дрова, и неторопливо рассказывал:

— На сени километров стоит здесь сосна, строевая, матчовая... И подумай только кто это выдумал, кто в лесу владеет один человек — граф Шереметев! Тихо здесь и глухо.

Мы останавливались, несёща сёртывали динные махорочные цыгарки, закуривали и шли дальше по узкой лесной дороге, вдоль высокого берега реки Серёжи. Шёл мы со Степаном Ивановичем вёзком, шёл боровагой по соновым ишалам, покрывавшим зёмом зелёным настом, и, пройдя через редкий кустарник, вышли на большую лесную поляну.

По её краям вёсою повеселили густолиственной листвой тонкие дубки и степино стояли прелые сосны.

— Вот здесь и отдохни! — сказала Ширнев, по-хозяйски осмотрев поляну.

Снив с плеча ружьё, он бережно положил его на кочку и разлёгся на траве — удобно, широко, по-домашнему. Он лежал на траве и издалека, отдалека, по его голубым плечам, гавес зорко осматривали и траву, и близкие кусты орешника, и опушку ассы.

На круглой поляне в невысокой траве было много цветов: ярко красная липкая дёрма с продолговатыми серёжками на длинных стеблях; курчаваясь, розовая аграфит-купилица, давняя цвет только к середине ассы прицветились в траве скромные, изыанные аюби — асцене фиалки с жёлтыми, словно облитыми тонким слоем чистого воска, лепестками.

— Ложись и ты, здесь место сухое. Отдохни! — сказал мне Ширнев. — Нам до сплава идти ещё далеко. Но отсюда мы пойдём наперерз через речные криуулы Чай, и обсту и доберёмся до верхних рямов!.. А посмотри, как много здесь звериных троп! — это юношеской живостью добавил Степан Иванович. — Вот траву кто-то пригнул, пробороздил, а вот ещё следы!

Издали блуждали кусты выветрившей чёрной чапары. Он осматривался неподалёку от нас и зашпота. Это был молодой ёж. На яркой зелёной траве он был заметен хорошо. Увидев большую гусеницу, ёж вытянул голову и побёжал за ней, но, толкнув своим



...Словно из-под навеса в большую круглую заводу, как на авансцену театра, вливался маленький плот...

иглоушатым боком блианку, по которой вверх уплывала зелёная гусеница, стрелку её в траву и уже не стал там её отыскивать.

Сердце зашипело, ёж выбежал из травы и замер на песке, у дороги. Солнце припрятало всё сильней, и ёж стал бесцельно ползти по тёмным бокам ивети, сладостной дёрме. Над ним кружились бабочки — яркосине, с жёлтыми крапинками и багровокартыные... Где-то над речкой Серёжи, близкой, но невидимой из-за леса, зазеленел стрекоч. В кустах орешника послышался лёгкий треск.

— Гип! Смотри! — прошептала Степан Иванович.

В кустах, подняв голову, стояла рыжая лисица. Она притрёмно смотрела на дремавшего ёжа. Хвост лисы был вытянут, как палка, недвижимо, только ветерок пошевеливал на нём несколько золотых волосков, свивших на солнце.

Ёж опустил от дремоты и зашевелился. До него донёся острый запах лисы. Ёж тотчас свернулся в клубок, итём на нём поднялся, и он предостерегающе зашипел.

Лиса решила, что подраиваться к ёжу ей незачем. Одним прыжком она перескочила накие ветки кустарника и выиг отутилась над ёжом. Он зашипел ещё громче, уверенный в своей неуязвимости, готовый итём встретить врага.

Лиса, встав на задние лапы, передними лапами осторожно приконулась к ёжу. снова раздался шипение, но лиса не испугалась. Она перескочила змершого от страха ёжа на другой бок и пошатала его вдоль дорожной колес.

Затаив дыхание, мы смотрели на лису и ёжа.

Лиса подкатила ёжа к глубокой выбоине в дорожной колесе, наполненной дождевой водой. Огманившись, но не увидев и не почуввав нас, лиса толкнула ёжа, и он скатился в выбоину: полав в воду, ёж опустил итём, начал шевелить лапками и вытянула шейку, готовясь выплыть, но того-то лиса и надо было. Она пригтовилась к последнему прыжку, чтобы возинуть в шейку ёжа зубы.

Степан Иванович быстро поднялся и громко свистнул. Лиса отпрянула и скрылась. Ёж выкарабкался из выбоины и побёжал в кусты.

Степан Иванович сел на кочку и задумался. Он долго молчал и затем сказал:

— Я вот часто почём не сплю, а зинные воны, знатье, у нас в лесу ятлугае без кони... Вёе, ворочался на лежанке, всё сына вспоминаю своего. А если засну, он поплываеет передо мной и всё зовёт меня: то лее вынуть, то на спав, и улабаете мне, и... от меня уходит... Хороший был он мастер, работавший лесовой человек... Смылга шарень... Здесь в слове было и на войне «Славу» заслужил первой степени...

ЛУБИМОЙ МОСКВЫ УГОЛОК

А. ФИЛАТОВ

В прелюдентной дыме рассветной
Встает под заводской гулой
С дальнего детства приметный
Любимой Москвы уголок.

И радостно, словно впервые,
Подходим к заводу-дворцу.
На клумбах цветы зоревые
Красе его строгой к лицу!

Идешь, взгляды нет не можешь,
Где всё ты делал, любил;
Как песню, сердце тревожишь,
Как в зеркале, видишь себя.

Здесь помнит тебе пионером,
Когда ты с задором кончал
Радым в телефоники севером
Любовно сажал деревья.

Здесь помнит, как в цех подмастерья
Ты робко вступил на пороги,
Когда тебе мастер доверил
Впервые мулярный станок.

Здесь всё тебе изданию свято
И вся твоя жизнь наука,
Остаю походкой солдата
Ушёл ты в бой за Москву.

С оружием прошёл по чужбинам,
По тысячам дальних дорог,—
Тобою гордится, как сыном,
Любимой Москвы уголок.

СТАЛЬ

К. ЧИРКОВ

С утра в цеху открыты рамы,
С утра прохлады в печи
И солнца яркой лучи
Снаивают вдруг в белый мрамор.

Шита загружена в мартены,
Уходит в небо две трубы.
Лучи, как сжатые столбы,
Поддерживающие стены.

И цех работает, жмёт;
По стенам проброгают тени,
На полный газ дымят мартены,
Краны гремят на полный ход.

На миг весь цех был озарён,
Из печи вырвался пламень,
В ней горный известковый камень,
Как крупный сахар, растворён.

На полный ход, на полный газ,
В печь ставдлер спокойно взглянет,
Не поведет и не обманет
Привычный стальной газ.

Но с чем сравню её теперь я,
Когда она бежит, искрится
И, словно скачущая птица,
Роняет золотые перья?

И я мартен могу сравнить
С известковым вулкном.
Когда металл улетит краном,
Чтоб формы мощные залить!



П. И. Нестеров у своего аппарата. Апрель 1914 года.

МЕРТВАЯ ПЕТЛЯ

И. КОЦАРЬ

В пасмурный осенний день
1912 года на распределительном пункте мировогоского уездного воинского начальника Понтавской губернии стояла выстроеныя новобранцы. Шла разбивка по воинским частям. Утёр-офицер, вызывая по списку каждого новобранца, писал ему мелом на груди определённую цифру. В числе четырёх новобранцев мне написана цифру 7.

Только немного позже я узнал смысл этих цифр: они означали номера частей, в которые определялись новобранцы на службу. Через несколько дней, в разгара осеннюю мглу, наш поезд таксиса в Киев. Там была 7-я воздушноавиационная рота — воинская часть, в которой мне пришлось служить военную службу.

Не успели мы ознакомиться с воздушноавиационным, как наступил 1913 год. Россия топочкалась к войне. Наша рота срочным порядком пополнялась новыми людьми. Она разбивалась в 3-ю авиационную.

В это время прибыл в наш военный лётчик штаб-капитан Пётр Николаевич Нестеров. Он был назначен командиром XI авиационного отряда, входившего в состав 3-й авиационной роты.

Пётр Николаевич был скромный, спокойный, сосредоточенный человек. Проблески матерой, привычной улыбки раскрывали истинную натуру великого лётчика, скоро распознать к себе солдат не только своего, но и других отрядов.

В состав роты входили четыре авиационных отряда: III, IX, XI и XII.

По указу жизни в авиационном отряде отряда Нестерова выделялся чим-то особым. В его отряде никогда не случалось никаких неожиданных происшествий. Отсутствовало и казённое солдат. Также порядки были редкими в армии того времени.

Весной начались тренировочные полёты. В то время мне пришлось первый раз увидеть самолёт в воздухе.

Утром и вечером к штабу роты подлетала длинная грузовая автомашина с брезентовым верхом, забирала лётчиков и уезжала на аэродром. После окончания полётов привозила рапорт дежурного офицера по аэродрому, в котором фиксировались полёты каждого лётчика, время продолжительности. Полёты были кратковременные: 4, 16, 12 минут. На основании этих рапортов отдавались приказы по роте. Так явля-

лось илалтного времени. Как ни далеко были солдаты от жизни офицеров, всё-таки бросалось в глаза, что Пётр Николаевич мало тратит времени на офицерские собрания, ближе всего стоит к солдатам. Больше проводит времени в своём отряде — на аэродроме, — что-то мурчит со своим самолётом. Говорит, что совершенствует его конструкцию.

Ничего не предвещало никаких событий. Уехали на аэродром и возвращались обратно грузовик с брезентовым верхом. Привозил аккуратно рапорта дежурных по аэродрому офицеров о полётах. Так было и 27 августа. Поступил рапорт о вечерних полётах. Рапорт был такой же, как всегда, и только в приложении кратко отмечено, что военный лётчик Нестеров при полёте совершил воздушную петлю. Об этом событии заговорили солдаты. Что говорили о полёте, мне было неизвестно. Они молчали, ожидали командного начальства, но начальство тоже молчало.

Так 23 лет назад родился один из признаков высшего искусства — верткая петля, осуществлённая главным слаником пилотов-авиатора.

В марте 1914 года Пётр Николаевич повторил верткую петлю, в апреле того же года совершил блестящий Перелёт Киев — Петербург.

Грустно вспоминается первая мировая война. Авиационные отряды 3-й авиационной роты выступили на фронт. В августе 1914 года мне пришлось видеть Петра Николаевича уже на фронте, под Золочевом, в окрестностях Давидовской области. И сразу почувствовал, что Нестеров чем-то глубоко не удовлетворён, встревожен. Мои товарищи и я тоже были недовольны. Рассказывали мне, что Нестеров расстроен и сильно угнетён. Бессмысленность нашей авиации. Не видит других средств уничтожения неприятельских самолётов в воздухе, Нестеров думал о возможности таранить, немцев-польские самолёты своим самолётом. Такую возможность он обосновывал тем, что его самолёт быстроклюнее авиационных, и эта быстроклюность даёт полную возможность набрать необходимую высоту, дотать неприятельский самолёт и, спланировав на его плоскости, ударить по ней косяком. Удар небрежит плоскости самолёта, и он не в состоянии будет проколоть полёт. Если же шасси его самолёта и будет повреждено, то Нестеров рассчитывал, что в таком состоянии самолёт благополучно приземлится.

В конце августа 1914 года авиационный самолёт обрелась бомба на аэродроме XI отряда, который размещался у города Жолтева. Бомбы не разобомбили и ни одного из них не причислили, но этот случай неслучайно привлек внимание Петра Николаевича. 26 августа, возвратившись из разведывательного полёта, Нестеров сказал было уже в авиационном отряде, что он не захотел бы ехать в штаб с докладом, но в это время его внимание привлекла шум неприятельского самолёта. Нестеров распорядился своим самолётом остаться на высоте и вылететь навстречу неприятелю.

Быстро набрав необходимую высоту, он сверху таранил неприятельский самолёт. Таран оказался роковым. Разбив неприятельскую машину, сам Нестеров тоже погиб. Гибель его была воспринята солдатами как величайшее событие. Он был похоронен на горе. О его героическом подвиге наш народ никогда не забудет.

Штаб-капитан Нестеров с семьёй. Август 1914 года.





ЗАВЕТАНА

Фото Г. Со

Здравствуй, Московский университет! Один из старейших в мире и вечно молодой. Сегодня с тобой связали свою судьбу ещё 1500 девушек и юношей, сегодня твои стены покинули 1500 уже зрелых людей, которым университет открыл путь в науку и в жизнь.

Университет! Может быть, вот с такими же трелетом, с каким омывают сегодня вновь пришедшие в университет в привоинной у академика А. Н. Несмеянова, подходили к дверям университета Герцен и Огарев, Лермонтов и Тургенев, Чеховцев и Ушинский...

«Здесь, на третьем этаже, где теперь шумит филолог, когда-то в студенческом общедении, в «Одиннадцатом номере, молодой Бавинский организовал литературный кружок, тут Виссарин читал своим друзьям «Дмитрия Калинин»...

В комиссиях факультетов закончился приём заявлений. Вынимаешь из папки заявления одно, другое — и поражаешь прежде всего географию адресов: Петропавловск на Камчатке, Калининград, Москва, Ташкент, Игарка, Минск, Криворожье... Сотни городов, десятки братских национальностей...

Несколько строк из биографий:

«Ушёл в 1942 на фронт... Мой боевой путь, связанный со взятием и штурмом таких городов, как Гомель, Белосток, Кенигсберг и Берлин, привёл меня в стены МГУ, куда я поступаю на юридический факультет».



Анна Воропаева закончила школу с золотой медалью. В университет она пришла без экзаменов. Анна Воропаева (верхний снимок слева) часто приходит в университет. Она хочет заранее ознакомиться с учебными кабинетами, в которых ей придётся заниматься.

В физической лаборатории университета постоянно можно видеть студентов нового набора. Они с живейшим интересом рассматривают оборудование лаборатории (нижний снимок слева).

Ответственный секретарь Центральной приёмной комиссии тов. Коменко беседует с кандидатом в студенты МГУ (верхний снимок).



Я МЕЧТА

рисова

Университет — продолжение биографии Владимира Илюшникова, а вот ещё:

«Я, Кузьмина Тамара, родилась 8 июля 1929 года в Москве. В 1938 году поступила в школу и окончила её в 1948 году. В 1939 году вступила в пионеры, а в 1945 году — в члены ВЛКСМ. Университет — только начало биографии будущего историка Тамары Кузьминой. Но верно ли это? Биография у неё есть. Члены комсомольского бюро с интересом беседуют с будущими студентами.

— Пополняется наш актив! — доволен Константин Баранский, заместитель секретаря бюро ВЛКСМ физического факультета.

Он только что говорил с Тамарой Вяжицовой. Она окончила с серебряной медалью алуштинскую среднюю школу. Там она работала пионервожатой, заместителем секретаря комитета комсомола школы.

Август проходит незаметно. На консультациях перед экзаменами будущие студенты знакомятся с профессорами, доцентами университета.

И в последнюю неделю на факультетах у длинных списков с трепетом душевным читают приказ ректора и находят свою фамилию.

Вот она, заветная мечта: «Я студент!»

А. ОДИНЦОВ



Актовый зал университета и для нового приёма студентов. Здесь вновь поступающие сдают документы для поступления, здесь же они могут получить ответ на любой вопрос, касающийся приёма (верхний снимок). Вход в главный корпус университета. Двери в эти дни не закрываются ни на минуту (верхний снимок справа). Вновь зачисленные студенты пришли на своё первое собрание (нижний снимок справа). Ректор университета академик А. И. Несмеянов сердечно поздравляет новых студентов с поступлением в старейшее русское высшее учебное заведение (снимок слева).

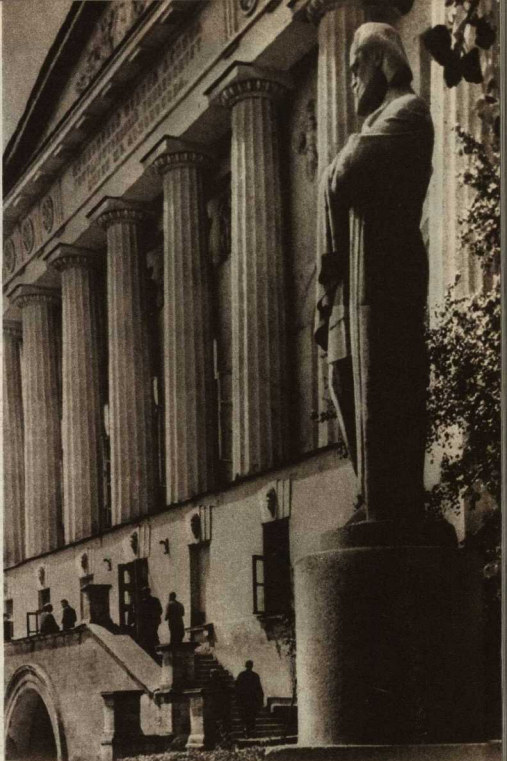




Рисунок П. Караченцова

Мария ФОМИНА

ПЕТУШИНОЕ СЛОВО

ИЗ РАССКАЗОВ, ПОСТУПИВШИХ НА КОНКУРС.

несмеяе мысли. А в сердце как будто кто вытиск стал вынуживать...

Полянка хотела справиться с собой навязчивую тоску, принялась за привычные дела. Сварила ужин, сделала любимые Иваном творческие шаньги, но всё это заняло часа полтора. Поставив шаньги в печь, она села на лавку, чувствуя, что очень устала, и в то же время страшно жалея, что делать больше нечего; оставалось ждать и ждать Ивана.

Она вышла на крыльцо. Только на западе светлея узенькая крошка горизонта. Небо затмевало облаками. Где-то далеко лаяла собака.

Как будто кто рукой вжался за сердце и начал сжимать... Стало больно до крика. Полянка хваталась за балансир крыльца и прижалась к ней, чтоб не дать вырваться этому крику. И тут же Полянка услышала отчетливые в тишине ночи шаги. По дороге к дому кто-то шел. Она уже различала в полутьме высокую мужскую фигуру. Полянка бросилась с крыльца и побежала навстречу. Она не пробежала и десяти шагов, как очутилась в широко раскрытых сильных мужских руках, прегладивших ей путь.

— Куда, куда! Не пушчу-у... — перед ней стоял бригадир первой тракторной бригады, известный своим зубоскальством Василий Соколов; Полянка онемела от неожиданности, а Василий, отпустив её, продолжал шутить:

— Ну, ясно: как мужа дома жет, так и жена со двора... А встречать мужа-то ты вышла рано: он раньше, как завтра, не явится. Они там со Сторой решили куда-то поехать... Стора тоже не едет домой, в бригаде поучет...

— А ты?

— Я? Я кто... Куда мне ночью куда-то поехать?.. Я итак впереди, а они пусть ночью навстречаются, — засмеялся Василий. — Ну, ты что? — вдруг спросил Василий совсем другим, тёплым тоном. — Скажи одной? Пойдём к нам. У нас нынче весело будет, сказочница, говорит, проездом поучет. Везёт в Челябинск свои сказки... Она тебе сразу зуб-то изговорит... Пойдём, братой утону... А? А завтра вместе к Ивану на табор нагрисим.

— Ты что со мной, как с девчонкой, разговариваешь?.. Нечего подсаживаться, я не малякка...

— А-а... Ну, раз больная, тогда конечно, — смутился Василий и, уже скрываясь за виду, крикнул: — Утром-то я всё-таки заеду за тобой, слышишь?

Но Полянка уже захлопнула за собой дверь.

«Иди туда! Сейчас же иди!.. Как можно скорее!»

Решимость овладела Полянкой. Она быстро вынула из печи жаровню, выложила из неё баранку с картошкой в глиняный горшок, туда же сложила творческие шаньги и, покрыв горшок бумажем, завязала его в белый платок. Шаньги надела праздничное платье, в котором сидела в консультации, достала материн цветастый платок, накинула его на голову, схватила горшок и, выключив свет, вышла на крыльцо.

— «Как будто ужин несущ...» — обманывая кого-то, подумала она и быстро зашагала по дороге из села на дальний табор, к Червоному логу, забывая, что до него двенадцать вёрст, а она «вдвоём», как сказал Василий.

Первые четыре — пять вёрст она прошла незаметно. Несмотря на поздний вечер, в селе ещё работали.

У околицы грохнула кузина, со станции проехал обоз с горохом, в долине две женщины сидели у костра, они ладили быков. Но свернув с тракта на дорогу к Червоному логу, Полянка осталась одна среди тьмы. Она вдруг почувствовала необыкновенную усталость. Ноги стали неповоротливыми, узелок нетвердо тяжёлым. Полянка присела отдохнуть. И лишь пройдя ещё километра два, она обнаружала, что забыла горшок с ужином на повороте дороги. «Ну и пусть!» — успела подумать Полянка, и сразу же слух её отменил, что трактор, на звук которого она шла, замолчал.

Первое, что услышала Полянка, подходя к бугру, за которым маячило зарево, был смех Ивана, неторокий, захлебывающийся смех. Она знала этот смех и любила, когда Иван так смеялся. А сейчас он так смеялся не с ней, не с ней...

Сколько времени поднималась Полянка на бугор, она не помнила, в ядрут увидела в полукруге бёрёв на поляне, огромный костёр, по бокам которого торчали железные рогульки. Котёл с них был снят и дымился жаром. Тут же, на поляне, пасался лошадь. Завел на кромок дёрны, стоял остоянный трактор. Осоло него, широко расставив ноги, стоял голый до пояса Иван, весь в мыльной пене. На вёнке перед ним а лавка спитом комбинезон стояла тонкая Стора Скутина и, держа в одной руке ведро, а в другой ковш,

— Выйти замуж за красного — значит пасть на себя мученический венец... Любима говаривает слепая бабушка Медичиха в наизидание девушкам. — Ни днём, ни ночью не увидишь покоя, а без покоя уж какое счастье? С простям и прожидать просто, а с краснцем-то жини да оглядывайся: как бы из-под рук не уплыла. Хочешь с ним жить — сумей приворожить. Нет, надо петушине слово знать...

Говорила она это и Поле Волынской — Полянке, как знала её на селе, когда та ещё только собиралась выходить замуж за бригадир второй тракторной бригады Ивана Деметрью. Больше года ходил к ней Иван Деметрью, сбавился под низкой притолокой маленького воляжского дома. И Полянка, забыв все наказы бабушки, вышла за Ивана замуж.

А теперь вот вспоминаю...

Из головы не идут слова: «Как бы из-под рук не уплыла».

Вчера они поворочались, и она уехала на станцию, чтобы зайти там в последний раз в консультацию. Должна была вернуться завтра с почтовой лошадейю, а вернуться сегодня на машине МТС.

Было уже темно, но в окошке дома огня не было. Полянка тихо подошла к окну и, осторожно постучав, прижалась спиной к стене, с улыбкой ожидая знакомого голоса. Никто не откликнулся. Тогда она грубо постучала кулаком о панчичек. В доме не откликнулся. Полянка быстро обошла дом и увидела, что на двери висит замок. Войдя в дом, она сразу определила, что Иван дома не ночевал.

«Ну, мало ли что могло быть? Вызвали в МТС, в район», — мелькнули оправдывающие,

попала из него то на руки, то из него, то на плечи Ивана. Он хрюпел, ухал и фырчал, смешно мотая головой.

— Да не трясись ты своими курдюками! Обряды все... Чай, не в бред...
Иван отхрюпал в последний раз и снял с плеча Стюрия полотноце.

«Белое полотноце в поле принесла...» — промывала у Поляны мысль, и тут же она услышала её предельно ясно...

— Белое полотноце зачем-то привнес... Кто в поле берет белое полотноце, да ещё вышитое! — журнула Ирина Стюрия.

«Сам принеся...» — похолодела Полянка. Ну, да! На кавесе расплывались клевоны листьев. Это полотноце, вышитое её руками.

Полянке сделалось жаль его, как что-то живое, близкое, ускользающее из её глаз.

— Слага бобо, полотноце готово... Теперь давай, жена, стирай... Эх, посмотрю я у тебя, и белевешь ты! — продолжала Стюрия, встряхивая полотноце и вешая его на ветку.

— Да что ты ворчишь на меня нынче, как лепёшка жинка? — надевая рубаху, сказал Иван. — Вчера ласковая была, а нынче как с цепи сорвалась. Ах, полотноце какое!

«Ласковая была...» — повторилось у Поляны.

— Как вышло вот, живёшь шелковая стаченья... он оковы берёзую ветку, шутливо замахнулся на Стюрия, потом схватил её за плечи, потянул, сделала страшное лицо. — Ну, давай корин, — отпустил он её, — а вот если плохо нахоринишь, тогда не проси милости... Я сейчас могу быка съесть...

А я как будто знала и сварила тебе... пскарица! — обид расхохотался и пошёл к стору: Стюрия — впереди, Иван — сзади.

«Проглядела. А могла бы сделать, чтобы Иван взял другую прищипку. И зачем только я приняла?» — мучилась Полянка, неслащаво выговариваясь от берёзки к берёзке, ближе к костру, где усаживались Иван со Стюрией.

— Прищипни ты хоть куда, а вот стряпула плохая: другой день пскариши моршину. Этак тебя и в жёлбы никто не возьмёт...

Будет уж болтать-то, смотри, язык обожжешь или пскарь поперёк горла астанет, — наревая хлеб, остановила его Стюрия. — Ты бы лучше наивну теагоруй, у тебя от этого пар идёт. Заутра, ты думаешь, будешь нужней мне, болшой-то!

— И правда: пробирает... — передёрнулся Иван.

Он встал и извирался в стоявшей в стороне одноклюе. Его огромная тень заметалась по верхушкам деревьев, всё ближе и ближе придвигался к Полянке. А вот и он сам... Ей стоило только протянуть руку или выдохнуть ноздрями — и тяжёлый сон кончился бы, но она стояла за берёзкой, почти не дыша... Вот бы, наивну стёганку, пошёл несеклого левее, обратно...

— Ух, ты! — вдруг вскрикнул он. — Это что за шаркая постель?

На коню проголодного сена был брошен большой тулуп.

— Вот это дело! Не успел утром пожаловаться, что замера, как к вечеру с неба тулуп упал. И вот эта настоящая жинка заботы! Да-а! И полёбка кажется нынче вкусной. Ой, Стюрия, не мейдла наприщипынешь! — шутливая Ирина черная ложкой из котла.

— Сам-то ты на что наприщавынешь? Ишь ты, разговорилась! Вчера, небось, сломать добиться нельзя было. Я и так и этак... молчит, как камешки! Что значат на двести пятьдесят пскарич махаться-то!

— А всё-таки Василий Соколов у меня вот где сидит... — постучал он кулаком по сердцу. — А тут ещё, сама знаешь, испокон я: так бы, кажется, и полетела домой...

— Знаю, да что подделаешь. Ложись-ка лучше спать, а ты под толкаешься, что заutra Василий тебе и вот сюда ляжет... — показала она на шею. — Ложись, а я поеду...

— Куда? Не выйдет. Обещалась три ночи, так спать не выдуй.

— Но Стюрия уже натягивала на себя стёганку.

— Я всё равно поеду. Часа два-три сосну, и ты ещё спишь будешь, как я преледу, — и она сказала: — Во-первых, иди ко мне не доходя, мать-то ведь тоже на станице я главнее, к тебе заеду, вдруг Полянка приехала, мало ли что...

— А что? Разве, что случилось? — вырощая по весь рост тень Ивана заметалась.

— Ну-ну-ну, что ты! Что ты, как лешак, руки раставил... Ничего не случилось, просто провела ночь надале.

— Да а какамавал Василию, чтобы зашёл, если что... Ведь она завтра должна приехать-то... — виновато оправдывался Иван, — а если так, а сам поеду!

Ничего тебе там делать. Сам говоришь, что заutra приедешь, — оставила его Стюрия.

И வருу они оба в изгусте схватили друг друга за руки. Где-то, совсем рядом с ними, послышался слабый полустоп-полукрич, оглушённый их громким, чем выстрел. Обив обивая руками освещённую костром берёзку, стояла Полянка. Обсидела, она медленно сползала до стула, откинув голову со ебвишимся на спину лёгким платком, со странной улыбкой на бледном, сложем с берестой лице.

Как медведь, не развывая дороги, ринулся к ней прямо через костёр Иван. Быстро поднял её, деловую, в цветастом шелку, прижался на секунду к её лицу, неперфому полутьны бесмысленно: «Что ты? Ты что?», — вынес к костру и оставил перед Стюрией, не зная, что делать дальше.

— Тیشه ты, сумасшедший! Положи её скорее сюда, — расправил Стюрия на коние тулуп.

Полянка делала виновато на руке Ивана и Стюрия.

«Шаркая постель...» — улыбнулся Полянка и вдруг залаяла обильными, скоророхочущими слезами, не срывающимися счастливой улыбкой с её лица.

— Ну будет, будет, ничего не случилось... — тихонько уговаривала Стюрия, закручивая её волос тулупа. — Милды да ты что? — Ноготу закручила она, всплёсывая руками. — Ноготу у тебя до самых колен промокли!

— Обидно сразу пережидать плакатка. С ругательным видом смотрела она как Стюрия по-хотлико орудовалась с её ногами, ловко стаскивая с них ботишки, чулки и укутывая их в привитую баранью шкуру. Быстро развесилась вонючие чулки и ботишки у костра, Стюрия плюхнула и сказала, усаживаясь рядом: — И где это тебя носило?

Полянка, прислонившись к груди Ивана и слушая тревожное биение его сердца, сказала: — Я ведь ложком сюда пришла.

И, взяв руки Стюрия и Ивана, тихо сказала: — Вы простите меня, гаупуя, я ведь о вас нынче что подумала...

Иван быстро перевёл взгляд на Стюрия, смущённый неуверенными словами жинки.

Стюрия вздрогнула, но сдержала себя, логично похолодела ладонью по полной коленке: дескать, ничего, бывает... и сразу же встала: — Ну, я покуда заглядывать...

Полянка совсем не могла двигаться от усталости. Стюрия быстро заглядывала ладонь в окошечку и, почувствовав, что говорить сейчас неудобнее всего ей, распорядилась: — Ты садись вместе с Полянкой, а я сразу верну на лошадей... ахось, ночью некогда будет вам чаю съесть...

Отдохнувшая лошадь быстро понеслась по мягкой, сырой земле.

Вдруг Стюрия громко рассмеялась и объяснила: — Я вспомнила, как Иван когда открывал, когда к тебе ринулся... Так мне и не удалось постель похобить из пскарей!

Засмеялся и Иван: — Я тоже только было разлезся...

А-а! — вскрикнула внезапно забеснованная Полянка, оглядываясь во все стороны. — Это всё из-за меня, сумасшедшей. Ну-ка, останови лошадей! Нет, ещё проезжай маленько. Ты что? Думаешь, я режусь? Нет-нет, ты иду... Вон, своротит!

В двух шагах от дороги на тропинке что-то белело. Стюрия прыгнула с лошади, взяла и подбежала к одноклюе белый предмет, оказавшийся завязанным в платок горшок.

— Развязывай, развязывай... — настаивала Полянка.

— Ну, как а бабушкин сылётке: захотел ещё — на тебе горшок с молочной кашей, — смеялся Стюрия с Иваном, вдыхая аромат жареного мяса и масла.

— Да иди к нам ужин есила, да, видно, не только за этим шла, коль его посреди дороги забыла, — насмешничал над собой Полянка.

Ну, ещё тебе дайте, а то и так всё остыло. Я ведь тоже с утра ничего не ела.

— Ои сди и смеялись, смеялись и сди — в поле, в тенете, лесной дороге.

— Теперь дело неседой будет... — забравшись опять на лошадь, настаивала её Стюрия. — Но-но, надалай я дому-то!

Сладив седоков у крыльца дома, Стюрия опять почувствовала, что говорить сейчас опять неудобнее всего ей, и продолжила: — Полянка, не дай Ивану-то спать до полудня, часа через три буди его, чтобы ехал на табор. Ладно?

— Ладно, ладно... — один голос ответил Иван с Полей.

Лёжа в постели, укутанный в пахнущие травами плечо Ивана, Полянка чувствовала себя счастливой и виноватой:

— Да не сердись на меня, Инушка, а?

— Да нет. Ну, что с тобой поделаешь, если тебе померещилось! Сына вот только лошадь мне берещись... — конечно, он был уверен, что родится сын... Сии... — и вздохнул.

Помолчал.

Полянка делала тихо, тихо, боясь спугнуть сон Ивана, но чувствовала, что Иван не спит, хотя и лежит спокойно. Всё вздыхает... Наконец она прошептала: — Инака, что ты не спишь? Ведь вставать скоро...

Иван как будто только это и ждал: он поднялся на постели и сел.

— Мне тоже вот ровность спать не даёт... — постучив себя по согнутой коленке Иван, — рещу-ка!

— Кто?!

— Василий Соколов...

— Ты с ума сошёл!

— Вот именно с ума сошёл... Из головы не падает одно и то же: почему у него всё так преледилось? Почему? Да что мне лужко час, ему достало пять минут...

Чем дальше он говорил, тем спокойнее и счастливее делалось Полянке: «Так вот из какой, Иван! А я-то, гаупай! Мелкота я в сравнении с ним...»

Полянке показалось, что она заблудилась только на один миг, а когда открыла глаза, Ивана на постели уже не было. Не было его и в комнате. Она быстро вскочила и подбежала к окну. Но затуманенная рвущимся раскатым дионоклюе, Иван не вышел. Только на одной из россы траве чуть видна, испещренная следы широких шагов Ивана.

Опять Полянка осталась одна. Но это было не утешительное одиночество. Ни тени тоски, ни печальной мысли не появилось у неё в этот безоблачный день. Дел по дому накопилось много, но ои так и горели в полянких руках.

— Ты что поешь весь день? — заглянула к ней в окно бабушка Мелничка.

К вечеру уставшая Полянка усеелась к окошку жид Ивана, зная почти наверняка, что он не придет... Появился он только на другой день. Полянка звали ушлегла его, Иван, Стюрия и Василий Соколов шли тяжёлым, неторопливым шагом.

Полянка не побоялась ни настроенья, она сидела у открытого окна и не сводила с Ивана счастливых глаз. Они подошли к окну и, толкаясь все время, похлопались на подоконник.

— Ну, Полянка, и к тебе жидоваться пришёл, — начал Василий. — Иван со Стюрией дают мне жинки, перегоняют... Петушинею слово, видно, узнали...

— Да ну?

— Тонко... весело подтвердил Иван, — теперь врешь, далеко не уйдёшь!

— Да бросьте вы говорить, — перебила их Стюрия. — Это петушинею слово уже давно кури склевали. Нынче требуется кое-что другое... она выразительно похлопала себя по лбу и по рукам.

— Все засмеялись.

— Ты их, Полянка, не слушай, — продолжала Стюрия, — ои сейчас не в себе, всё равно иди-то толкуются, не се смуту, лучше увидишь Ивана спать и не буди трое суток... Мы ведь отседлись.

— Как это отседлись? — удивилась Полянка. — Сегодня ведь только шестой день, а надо уже ехать...

— Да мы до восьми и считать-то не умеем, — захохотал Василий...

САМАЯ МОЛОДАЯ РОЗИНА

— Начнём сначала, — в который раз говорит Валерия Владимировна и сама садится за рояль. — Ты — злушка, задорная, влюблённая Розина. И вообще ты впервые в жизни — целый мир открылся тебе. Это надо обязательно донести до публики. И тут недостаточно только спеть хорошо. За каждым словом, движением, звуком, за каждой фразой должно чувствоваться эта молодая влюблённость Розины. Звучат вступительные аккорды, и вновь Нина преображается в юную итальянку...

Она уже несколько месяцев готовит эту трудную роль с Валерией Владимировной Барсовой. Народная артистка СССР, замечательная певица, В. В. Барсова оказалась замечательным педагогом. Сама — лучшая из исполнителей этой сложнейшей партии — она передаёт своей «полюшкой» самое первое сценическое и вокальное толкование образа Розины.

Все окна раскрыты настежь, но лёгкий ветерок едва колышет гардины, — в комнате нестерпимо жарко. Уязвимые уроком, они не замечают этого.

— Ниночка, — говорит Валерия Владимировна, когда окончила арию, — ты не бойся результатов в танце, в сцене. Это хорошо! Розина очень молодая, она подросток, ей 16—17 лет. Так толковала её Константин Сергеевич Станиславский, когда ставил эту оперу. Розина была у него даже с косичками. И обрати внимание, как колоратура и во что лёгкая, игривая музыка свойственны такому возрасту!

Сколько было таких уроков, и не вспомнить сейчас. Нина упорно занималась, училась петь, готовилась к своему дебюту. Настал день, когда Валерия Владимировна решила показать коллективу театра работу своей ученицы. В партуре собралась комиссия, лучшие знатоки оперного искусства — дирижёр, музыканты, режиссёры, артисты: А. М. Павловский, К. П. Кондрашин, С. С. Сахаров, Р. В. Захаров и другие.

Когда Нина кончила петь, востановщик Ростислав Владимирович Захаров поздравил Вову и сказал:

— Это уже не ученица, а артистка. Ей надо дать спектакль...

В воскресенье вечером 13 июня, комсомольца Нина Нелина дебютировала на сцене Большого театра Союза ССР. Она исполнила партию Розины в опере Дж. Россини «Сельский шпильщик».

Главная сцена Розины в этой опере в начале второго акта. А в первом она поведает себя на несколько минут и почти не поёт. И вот во время антракта, когда зрители, прогуливаясь по фойе, с удовольствием вспоминали артистические номера Валовой, Нина волновалась, сидя в своей комнате. Самое обидное, что в тот вечер она поведает себя во главе Барсовой. Несколько дней назад она уехала на гастроли в Ленинград. Нина снова и снова вспоминала наставления своей учительницы. Вспоминала её и первые учителя музыки из училища Гнесиных. Вспоминала и до комсомольских театров: «Сидят сейчас, наверное, в зале и волнуются за меня!» Это время к ней забегали девушки из багетной группы.

— Ты держись, Нина, молодой, но не поддавайся подругам, — всё будет в порядке. Валерия Владимировна сейчас зноится из Ленинграда, придет тебе передача. И вообще всё должно быть хорошо. Главное, не робей!

По радио донесли:

Нина Алексеевна, приготовитесь — ваш выход.

И вот два такта музыки — и занавес открыт. На сцене Розина, ода Розина, и взгляды двух тысяч зрителей устремились на неё. Конечно, она волновалась во, испомини замечательных своих друзей, подругиных, но всё ещё этот день, она уязвимая и начала свою знаменитую классическую арию:

«В полночной тишине

Слышу же так голос мне»...

С первыми же словами пропало волнение. Она «не оробела», была настоящей Розиной — с лёгкими, слегка угловатыми движениями, лукавыми (голубыми) глазами, юным чистым голоском. Она шушукалась с Фигаро, кончила «в изобильном графю», борманила своего главного овекина Бартоло и пела, пела, пела...

После спектакля её окружили друзья. Её поздравляли партнёры, со всех сторон ей протягивали цветы, ей крепко пожал руку Лёша Варламов — секретарь комсомольской организации: «Молодчина, Ниночка, не подвела комсомольцев!»

Выходящие в это время из театра зрители наблюдали в фойе странную картину: у телефона-автомата толпа. Дверь распахнута, и к ней рвется все.

— Дайте мне трубку, — шумит энергичная девушка в истерном пылоте и, завладев телефоном, не опускает трубки и не набирает номера, а просто кричит весело:

— Полина Николаевна! Поздравлю вас с успехом дочка, Нина замечательная пеца. Да, да! Принет вам в отцу от Лёши Варламова и от всех наших ребят...

Она хотела продолжать, но у неё уже забрала трубку какой-то железнодорожный подполковник из «посторонних» и бастует сказал:

— Я хоть вас не знаю, но тоже присоединяюсь. Хорошая у вас дочка. Большой артистой будет...

Это родители Нины, добравшиеся впряди в театр, чтобы их возмнение не передали дочери, сидя у себя дома, слушали теперь многочисленные приветы друзей, знакомых и незнакомых...

Вот мам и подошли к концу этого маленького рассказа. Маленького потому, что это — только начало: у Нины всё ещё впереди. Она переняет сейчас партию Эсмеральды в «Фроданов» известной Сметаны. Она начала — снова под руководством Валерии Владимировны — готовить сюсюную партию Джильды в опере Верди «Риголетто». Впереди большая творческая жизнь, упорная работа.

А ещё предстоит исполнить по одному две — две дебюта самой молодой Розины...

В этот день никто не забавлял... И не требовалась срочной замены. И не было никому не известной девушки, которая где-то в уголке сценным музыкала все арии и вот неожиданно получила роль... А была комсомолька Нина Нелина, которая в 1946 году поступила в молодёжную группу Большого театра СССР, уже давнюю за режиссёрский срок танцев, вокалостан, Д. М. Малевичева, И. Петров, Б. Ворсиенко. И была большая работа, в которой Нина помогала режиссёру, режиссёры, музыканты, замечательная певица Барсова и её друзья-комсомольцы.

Был обыкновенный «сплавный» дебют в лучшем театре страны.



ДОМ - МУЗЕЙ П. И. ЧАЙКОВСКОГО

В Клину, на окраине города, среди небольшого сада, уединенно стоит двухэтажный деревянный дом с высокой безукладенной верандой.

В этом доме провёл свои последние годы великий гений русской музыки Пётр Ильич Чайковский. Здесь им создано несколько романсов и фортепьянных пьес в том числе одно из самых знаменитых произведений композитора — Шестая (Патетическая) симфония.

Опубликование постановления ЦК ВКП(б) «Об опере В. Мурадела «Великая дружба» вызвало особенно большой интерес самым широким слоям нашего народа к музыке, к творчеству гениального композитора. За последнее время значительно увеличился приток посетителей. В последнее воскресенье июля Дом-музей посетило около 250 человек, т. е. больше, чем за весь 1913 год!»

...Мы поднялись по узенькой, чисто отделанной лестнице и сразу же попадаем в большую светлую комнату, которая одновременно служила П. И. Чайковскому и кабинетом и гостиной. Посреди комнаты стоит рояль Чайковского. Возле рояля овальный столик для нот. У окна большой письменный стол.

На столе валяла Бювары с адресами многочисленных корреспондентов, конвертов, фотографий, корочки с папирасами, спичечницы и всевозможного рода мундштуки: Пётр Ильич был заядлым курильщиком.

Стены комнаты украшает множество фотографий. Здесь портреты родных и близких друзей Чайковского, а также портреты известных деятелей музыкальной культуры. В стеклянном шкафике-горке находятся многочисленные подношения и подарки от почтителей его музыки. В отдельном шкафике-горке лежит дирижёрская палочка, завещанная композитору известным пианистом А. Гензельтом.

В гостиной большая библиотека. Многие книги имеют на своих полях заметки Петра Ильича, дарственные надписи их авторов.

Из этой комнаты два выхода. Один ведет на закрытый балкон-форонию, где по утрам, за часной кофе, любил отдыхать Пётр Ильич; другой — в спальню. В спальне стоит простоя железная кровать, покрытая ватным ситцевым одеялом. Самая интересная реликвия этой комнаты — небольшая берёзовая столешница, стоящая у окна. За этим простоя, некогда своим столом была создана Шестая симфония. Из окна, возле которого стои стол, открывается чудесный вид на центральную аллею парка. У самого окна, раскинув свои ветви, ирети имеет три берёзки — любимое место отдыха Чайковского.

...Всё в комнате осталось в том самом порядке, как было при жизни композитора. Кажется, будто Чайковский ушёл на прогулку и вот уже сейчас вернётся и здесь в одном из комнат, среди любимой русской природы, зазвучит его величественная, солнечная, немеркнущая мелодия, музыка борьбы и жизни...

Конст. ВОЕВОДИН



Нина Нелина в роли Розины.
Фото Н. Зонова.

Парк в Клину. Раскинув свои ветвистые кроны, стоят три березки — любимое место
отца П. И. Чаковского.

Олег Г. Борисов





Свобода Гарибальди

К СТОЛЕТИЮ ОСВОДИТЕЛЬНЫХ ПОХОДОВ ГАРИБАЛЬДИ

Давно Рим не был таким шумным и оживленным, как в ту ночь 4 ноября 1867 года, когда в город дожились бойн войн французские воиска и полские зуавы, сражавшиеся против Гарибальди под Монтенотари. И Вереним ковокс и толпы народных людей с раннего утра устремились к площади Пиа. Около трех часов для посылалась музыка, забия барабаны и на площади появились послы: кричали: «Ура пиа», «Ура Наполеону!» К югам зуавов падали букеты цветов. Восторженные артистки бегали офиерам воздушные поцелуи. Бурно ликовали незуиты, которых было в толпе особенно много. Но не радовались встрече с победителями люди из народа. Они открыто выражали свое сочувствие гарибальдийцам и ненависть к прислужникам церкви. То тут, то там возникали споры, грозившие перейти в открытые столкновения.

Среди собравшихся на площади были и иностранцы: французы, англичане, русские.

— Гарибальдийцы — удивительные люди, — говорила своей спутнице высочай женщина с черной бородачей и застенчивым лицом. — Их мужество действительно достойно преклонения! — восторженно отвечала ему женщина. — Помните, что говорил Гарибальди? — продолжал ей оживленно. — Я напомню его слова: «Кто хочет следовать за мной, тот очистит родную от мужезного врага, пусть знает, что я не предлагаю ни богатств, ни денег, я предлагаю только голд, жаду, утомительную работу, битвы и смерть. Для кого дорога родина, пусть следует за мной...» И за ним шл...

— Вы говорите, как истая гарибальдийка, Александра Николаевна! — сказала своей даме спутнице, еще слушавшей ее с интересом. — Мне кажется, что вы способны были бы пойти в поход вместе с гарибальдийцами...

Но дама уже не слушала ее. Она с ужасом смотрела вперед, где с грохотом катились слезы на пологая на гроб, колыхаясь. Оттуда слышались дуперающие стоны.

Победители показывали толпе плененных. Тяжело раненные гарибальдийцы были небрежно брошены в телегу, запрыгнувшую колесом и мулом. Знающие рвали их крошечные. Писские прислужники и воспитанники незуитских школ окружали пленных и шаряли в них карманах.

— Мы обязаны все узнать, чтобы завтра же прийти к ним! — авозованно говорила Александра Николаевна.

— Вас вышлют из Рима, — отвечал ей спутник. — Как может пропикнуть к пленным гарибальдийцам русская женщина?

— Русская женщина должна пропикнуть к ним и помочь! — горячо отвечала Александра Николаевна. — Все, кому дорги идея свободы и братства, обязаны принять участие в судьбе этих мужественных людей.

Александра Николаевна Якоби была одной из тех русских женщин, которые встречались со многими передовыми людьми России того времени. Она с жаром восприняла идею Герцена и Чернышевского. Она всей душой уверовала, что восторжествует право людей на свободу. Имя Гарибальди, знаменитого вождя итальянского народа, было для нее свявлено. Музу Александры Николаевны, известный русский художник Якоби, прельщался изучать классическое искусство Италии и был далек от всякой политики. Увлеченные своей молодой женой отоживали гарибальдийцам они и в Италии и в доброд.

В роскошной гостиной своей приятельницы, знатной сеньоры Амалии, Александра Николаевна познакомилась с высокопоставленным незуитом, который собирался уезжать в в предании католической церкви. Она решила сама обратиться к нему о своем желании поспеть пленных гарибальдийцев. Гости пришли в ужас. Но русская сеньора продолжала

настоятельно убеждать незуита, и он наконец дал согласие.

С новыми бумагами Александра Николаевна отправилась в казармы.

Грозный директор Батистини позволил пропустить ее в госпиталь. И ей показало, что перед ней разверзлись двери ада. Сирое, холодное помещение, чудовищно грязное и зловонное, было погружено во тьму. Кое-где теплились лампы, распростиравшие удушливый запах и дым. Бесконечными рядами



Портрет А. Н. Якоби работы В. Верещагина.

стояли кровати, покрытые соломой. На них голые люди, на полу валялась грязная корва. У самого входа в тяжелых муках умрало молодого гарибальдийца. Рядом с ним кому-то прощали ампутацию руки без наркоза.

Назавтра Александра Николаевна общалась всех своих знакомых, кто мог бы принять участие в судьбе раненных гарибальдийцев. Ее рассказ о том, что она видела в госпитале, прозвонил сильное впечатление. Многие жертивовали белое, платки, деньги, продукты. Вскоре в госпиталь были отравлены полные корзины белья, подушки, корня, вина, фрукты, разная еда. Можно было надеяться, что больным станет лучше.

На самом же деле почти ничего не изменилось. Больные попрережались были раздаты, разуты, голодны. Многие умирали от заражений крови и еще каких-то таинственных причин. Блосудствия было установлено, что врач-католик по украинскому незуитом простоянно торопил убивать пленников. Для этого они отравляли операционные ножи специальными ядами. Жадные монахи бесцельно обрядывали беспомощных больных, снимали с них одежду и отбирали еду. Много бессонных ночей провела Александра Николаевна в госпитале, помогая и утешая раненных. Чуткую и добрую, внимательную к страданиям каждого солдата, ее знали здесь особенно. Она слышно не знала устали. «Сеньора Александрина», как звали ее гарибальдийцы, всегда была бодрой, улыбающейся, энергичной.

Как-то Александра Николаевна узнала, что в одной из самых страшных тюрем Рима томится в заключении ближайший друг и помощник Гарибальди — Луиджи Кастеллаццо. Он был приговорен к смерти. Находясь там на свободе друзья Кастеллаццо разработали план побега. Надо было сказать об этом самому Кастеллаццо. Но уник тщательно охранялся, и никто не мог пропикнуть в тюрьму.

И вот за два дня до казни к коменданту тюрьмы пришла молодая красивая женщина в черном платье. Она в отчаянии молала руки и умоляла коменданта разрешить ей в последний раз повидаться с женником. Женщина была так искренна и трогательна в своей просьбе, что заставила дрогнуть даже каменное сердце жандарма. Он велел пропустить ее к заключенному.

До слуха Кастеллаццо добежал слез жрыхых ласкосо. Значит, она поторожилась с казью... Но нет. Вместе с жандармом в камеру вошла незнакома женщина. Она бросилась к Луиджи и, обнявшись слезами, стала говорить ему нежные слова любви. Обнимая его, она незаметно бросала ему за ворот рубашки записку...

Перед самой казью Кастеллаццо бежал. Самоотверженные поступки русской женщины глубоко тронули Гарибальди. Он просил ее приехать на остров Каприра, где он отходил после ранений и тяжелых походов. Александра Николаевна смогла воспользоваться этим приглашением лишь через несколько лет, в 1874 году, когда снова побывала в Риме.

...Удивительный скалистый остров Каприра — последний приют великого героя. Белый дождь на крутом берегу. Вот и комната Гарибальди. Из-за стола подымается на костылях Гарибальди в клетчатом шинтоне, с длинными, когда-то золотистыми, а сейчас уже поседевшими волосами. Его доброе серые глаза ласково смотрят на гостю.

Давно вас жду, — приветствует Гарибальди гостю, протягивая ей руки в указании рядом с собой в кресло. — Жду с конца 1869 года. Мне давно хотелось выразить вам свою признательность за моего Кастеллаццо. Он обаял вас своей жизнью и свободой. Такие услуги не забываются. А мои белыи волосы! Я знаю, с каким самоотвержением вы за ними ухаживали... все знаю... Очень, очень рад вас видеть. Надеюсь, вы поживете у нас? Несколько дней, проведенных у Гарибальди, пролетели незаметно. Прощайте, гостю. Александра Николаевна понимала, что никогда больше не увидит этого замечательного человека.

« Не грустите, — сказала ей Гарибальди. — Посежайте с миром. Женщины наравне с мужчинами должны принимать участие в освободительном движении своей страны. Идите в ваши края об руку...»

Эти слова вкратце изменили путь Александры Николаевны. Вернувшись в Россию, она всю жизнь свою посвятила борьбе за свободу и равноправие русской женщины.

Прощаясь с Александрой Николаевной, Гарибальди говорил:

— Передайте им привет замечательному русскому хирургу Пирогову. Своей блестящей операцией он спас мне жизнь. И вот это письмо в Россию!

«...Шло вместе с вами сердечный и искренний привет вашему храброму народу, которому предстоит принять участие в будущих мировых событиях.»

Завещание Гарибальди. Александра Николаевна Лева Голосистова. Толпирева-Пешкова, была известна в России как издательница детского журнала, с помощью которого она стремилась нести культуру и знания в самые глухие уголки своей родины. Она была организатором и редактором первого в России журнала «Женское дело», который оказал большое влияние на развитие женского движения в России.

Александра Николаевна должна да светлых дней Октябрьской революции и вместе с первой интеллигентной России восторженно встретила сообщения о первых завоеваниях Октябрь. Уже старая и болящая, она холла на митинг съезда павлодарской рещи великого вождя русской революции — Владимира Ильича Ленина.

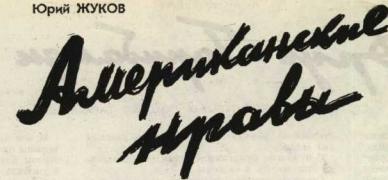
Н мы несколько несколько от-
влеклись от темы. Вернем-
ся же на Бродвей и при-
смотримся к молодежи, брошди-
нскому искушению, читая на вы-
ходе от бара к бару, от дансинга к
дансину. Мы невольно обратили
внимание, в частности, на то, как
много девушек сидит на высоких
бархатных стульях, читая газет-
ный виски в руках. Они переросли
друг с другом такими за-
мечаниями, от которых покраснел
бы и самый отпетый бродяга из
такой Даунтаун.

Следует ли удивляться после
всего этого распуханию амери-
канской молодежи? Когда мы были
в Нью-Йорке, буржуазная газета
«Дейли ньюс» заглава одну из тех
дурных диет, которые публику-
ются ради сенсации. Ее репортё-
ры подошли на улице к девушкам
в упор задавали вопрос: «Пошли
ли бы вы во второй раз гулять
с мужчиной, который не до-
гадался поцеловать вас при про-
щании?» И вот что отвечали на
улице Америки. Больше-
Эльмстер, Квинс: «Если бы он
не попытался поцеловать меня
на прощание, я почувство-
вала бы, что он не зашел про-
щанья во мне, и мне стало бы
по меньшей мере, не по себе. За це-
лым год только один мужчина не
пытался меня поцеловать на про-
щание после первой нашей встре-
чи. Это, конечно, было слюняв, и я
с ним больше ни разу не гуля-
ла».

Студентка Токи Шейгер, Бронкс:
«На практике десять из десяти
мужчин, приглашающих вас на про-
гулку, стараются вас поцеловать
уже в первый вечер. Тем не
менее, я пошла бы во второй раз с
любым, если бы он не попытался
меня поцеловать, чтобы посмотре-
ть, что он собой представляет».
Ассистентка зубного врача Эд-
вард Сорокин, Бронкс: «Я
встретилась бы во второй раз про-
сто из-за любопытства. Его пове-
дение я рассматривала бы как вы-
зов. Но если бы он и во второй
раз попытался поцеловать меня, то
я бы была уже настрое-
на».

И все ответы в том же духе...
Эта «саблезность в миссиях необхо-
димая» сплошь и рядом прояв-

Юрий ЖУКОВ



(Окончание. См. «Меню» № 15.)

дит американскую молодежь к
видам печальным посядствиям.
Не случайно в сентябре прошлого
года «Объединенный комитет по
половым преступлениям» (есть и
такой комитет в этой благослове-
нной стране), возглавляемый судьи
дого города Утика Уолшем, вынуж-
ден был отметить рост половой
преступности в стране. По данным
американской статистики, только
за 1946 год в Соединенных Штатах
было арестовано за половые пре-
ступления, развратное поведение и
бродяжничество 29 600 женщин...

Всё более массовым явлением
становится среди американской
молодежи алкоголизм. В аэропор-
тном приложении к газете «Нью-
Йорк Джорнал ин америкэн» я
прочёл как-то такое письмо: «Мне
двадцать пять лет. Я замужем.
Мой несчастный случай в том, что
я слишком много пью. Мой муж
принесит выпивку домой, и это
очень хорошо, так как я не могу
уехать из дому и много пью, чте-
то мне не любит... Что мне делать?»
Консультант газеты, некая Мар-
гарет Жилберт, пребрежительно
ответила: «Если вы в самом деле
хотите бросить пить, обратитесь в
лечебницу для алкоголиков. См.
телефонную книгу».

Я показал эту переписку оплому
американскому журналисту. Он
пожал плечами: «Что вы хотите
у нас в стране четыре миллиона
алкоголиков. Так что же, прика-
жете вынуждены с каждым из
них? Дайте срок, об этой миссии
позаботится полиция и суд».

Этот разговор мне вспоминался

несколько дней спустя, когда в га-
зетах появились ответы о двух
сенсационных процессах, которые
одновременно шли в разных кон-
цах Америки. В городе Санта-Ана
(штат Калифорния) судили
восьмидесятилетнюю Бью-
лу-Луизу Оверел, которая вме-
сте со своим любовником
Джорджем Голдуэмом убива
своих богатых родителей и взора-
ла яхту, на борту которой было



Этот снимок был опубликован в
американской печати с ласковой
подписью «Чикаго, 16-летняя
Ширли Даноско, признана в по-
хищении 12 000 долларов».

современно убийство, чтобы заме-
сти следы молодой наследнице не
терпелось быстрее завладеть капи-
талом своего папаша. В городе
Юрбен (штат Иллиной) судили
20-летнюю Бетти Грубер, застре-
ленную соотрудника туристского
лагеря, чтобы забрать него 1700

долларов, которые он только что
получил в качестве арендной пла-
ты.

Обе девушки оказались заядлыми
пьюжками. Бетти Грубер, в ча-
стности, заявила в суде, что она
«любая девушка», что она систе-
матически пьет с 13-летнего воз-
раста и что после убийства она
общалась со своим преступником
бары и выпила сокола пятнадцать
стаканов виски. Улыбаясь судим,
она подробно рассказала обо всех
деталях убийства и добавила, что
не испытывает никаких нравствен-
ных совести. Репортёры в своих отчё-
тах рассказали всё светлые дета-
ли и «по-детски умиленно» ли-
ко Уильяма Фолкнера, который
выла: «Когда меня посадят на
электрический стул и состригут
кудри, я кому-нибудь пошло их...»

Сколько жаль историй случает-
ся в США каждый день! Только из
видных американских криминаль-
стов доктор Дэвид Дреслер и
журналист Берни Стеванс недавно
открыли в одном из самых популя-
рных преступных центров страны
стелусти в США. «Смелые преступ-
ления» меняется, как меняются об-
ичай и фасоны швей, — тихо по-
верстывает эти слухи редактор. По-
лучить, что преступные женщины
стали для нас теперь серьёзной
угрозой. Большинство людей счита-
ет, что женщинам проявляют
меньше снисходительности и масштаб-
ным и преступным действиям,
чем мужчинам. Но они уже измени-
лись, и теперь такое убеждение
является чистойшей иллюзией. На-
шлась культура радикально изме-
нилась за последние 25 лет, и ме-
сте с нею изменились и женщины!»

Что и говорить, рост женской
преступности в США максимален
в полной соответствии с «радикаль-
ными изменениями американской
культуры!» Если в 1933 году в
США было арестовано за тяжёлые
преступления 29 298 женщин, то
в 1946 году это число утроилось.
В 1946 году по сравнению с 1933 го-
дом было арестовано в пять раз
больше женщин за проступки и по-
сле ареста в тюрьму. По подсчётам
«— за грабежи и убийства. Жен-
щины теперь не ограничивают-
ся тем, что присоединяются к
бандам преступных мужчин, — пи-
шет Дреслер и Стеванс, чте-

З последнее время у некоторых театраль-
ных работников получила признание пьеса
Исаева и Галчина «Вас вызывает Таймэр».
Эта пьеса идёт в двух столицах (Театр сати-
ры и Московский драматический театр) и в
ряде периферийных театров.

Почему пьеса Исаева и Галчина получила
такое широкое признание у театральных ра-
ботников? Может быть, эта пьеса является
выдающимся произведением драматургии?
Ничего подобного. Объясняется это отделе-
ми, инстинкты вкусами ряда театральных ра-
ботников, успешных основательно забыть по-
ставление ЦК ВКП(б) «О репертуаре драма-
тических театров» и тех же до «лучше» от
26 августа 1946 года.

Комедия «Вас вызывает Таймэр» относится
к разряду тех пьес, в которых события раз-
виваются как вневид ЦК ВКП(б), адири-
тельно и живым ямуду чего эти пьесы соза-
ют неправдивое, искажённое представление
о советской жизни. Пьеса Исаева и Галчина
антихудожественна и примитивна, написана
без небрежно без достаточного знания рус-
ского литературного и народного языка.

Некоторые авторы комедийного и юмористи-
ческого жанров до сих пор не могут отрешиться
от пошлого, объяснительского штампа.
Собрав свои собственные шуточные и не от
жизни, а от своих внешних художественных
вкусов и ставят своей целью не служение
идею народа, а пустую забаву: во что бы то

ПЛОХАЯ ПЬЕСА

ни стало посмеивать публику. Поэтому неа-
дачные авторы и заставляют изображае-
мые им советские люди плакаться и кри-
чаться. Так поступили и авторы комедии «Вас
вызывает Таймэр».

Все три действия комедии развёртываются
в течение одного дня на такой узкой арене,
как номер стальной гостиницы «Москва».
В угоду ложно понятой комедийности Исаев
Скрута, следуя рецепту физического Про-
куратера, укладывает узкое ложе номера го-
стиницы всё богатство отношений советских
людей.

Ночью один из номеров гостиницы «Мо-
сква» звонит помощник инвентариза стро-
ительства по хозяйственной части с Таймера
Дюжиков, директор Старокрыжской филь-
мосты Киричников, девушка Бабурина из Там-
бовы, геолог Гринко. Утром они знакомятся.
Друг раздётся телефонный звонок. Между-
городная станция извещает Дюжикова, что он
должен ожидать у телефона вызова Таймера.
Как бы? Дюжиков приехал в Москву всего
на два дня, в течение которых ему предстоит
выпить много дел. И тут приходится ему на
помощь товарищи по номеру. Новоизменный
великий комбинатор Киричников зовёт
пошлую и глупую жену, в которой, ничуть не

задумываясь, принимают участие первый раз
встретившиеся с другим серьёзные со-
ветские люди. По продолжению Киричникова
в номере остаётся дежурить у телефона Дю-
жиков, а все остальные отлучаются испол-
нить поручения для Таймера. Кроме дежур-
ства, Дюжиков вынужден разыгрывать роль ди-
ректора фильмокомы вместо Киричникова, а
также выдвигать по поручению Гринко зло-
бные признания дежурной Лодовой. Что и
говорить, сложную роль взял на себя Дюжи-
ков! «Хоть бы не запугались, что за кого го-
ворить», — провозносит он. Вот тут-то, во за-
мыслу идеологию, он отлучается от номера
узел комедии. Как а следом-то ожидать,
в этой глупой игре всё перепутывается, что,
по мнению авторов пьесы, и должно вызвать
смех.

Выступая в роли Киричникова, Дюжиков
принимает приспущенно пошлостью на работу пе-
шину. Разыгрывается дивная сцена, в ко-
торой могут участвовать лишь ненормальные
люди. Дюжиков, откликнувшись по Мисьяноу,
то Киричникову, то дежурной, то Гринко
то Бабуриным, никак не может выслушать пе-
шину, а та с серьёзным видом ожидает, когда
до неё дойдёт очередь. Вот пенина, который
же, становится в позу и пуритански гово-
рит: «Я тебе ничего не скажу». Дюжиков не
переваривает вопрос: «Простите, это вы мне?»
Пенина, несколько не удивившись, отвечает:
«Нет. Это такой романс. На слова поэта Фе-

они сами организуют свои преступные группы... Женщины теперь занимаются и такими преступлениями, которые требуют особого физического напряжения и смелости. В прошлом году 699 женщин были арестованы за убийства, 874 — за грабежи, 4358 — за акты обращения. Около 500 арестованных женщин имели при себе оружие. Эдвард К. осужден за участие в целом ряде банковских грабежей. Дважды она пыталась бежать из тюрьмы. Ее муж сидит в тюрьме за обращение банка. Ее два сына имеют уголовные прошлые, а взрослая дочь сбегала с митромом и вернулась, заразившая венерической болезнью. Многие женщины в 1946 году были арестованы за кражу автомобилей, хранение краденых вещей, поджо-

падения явров, какая-то другая характеристика для сегодняшней Америки. Сам Эдгар Гувер, глава американской охраны, вынужден был призвать осенью прошлого года, что США находится в неустойчивом моральном давлении. Он заявил, что лишь за первое полугодие 1947 года преступление в Околендских Штатах возросло на 20 процентов по сравнению с соответствующим периодом 1946 года. «За шесть месяцев количество арестов мужчин увеличилось на 20,5 процента и количество арестов женщин — на 15,7 процента», — сказал Гувер. «41 процент всех арестов производится за серьезные преступления. Возраст, когда наиболее часто совершаются преступления, — 21 год».

Это заключение главаря американской охраны отнюдь не является несомненным для тех, кто сколько-нибудь знаком с жизнью и бытом США. Оно отражает определенную закономерность. Но у некоторых читателей может возникнуть вопрос: почему правление классика США, американские государственные органы, американская пресса, наконец, конституируют подобные факты с таким паразитическим бесстрашием? Почему они не бьют тревогу? Ведь на первый взгляд, такие явления составляют определенную угрозу общественникам, трепущим над своим капиталом!

Для того чтобы ответить на эти вопросы, следует обратиться к истории океан и перенесется на два десятилетия назад, к той эпохе, когда немецкие претенденты на мировое господство готовились к войне. Вспомните — кто говорил, Адольф Гитлер своему напернику Раушнику по поводу того, какой он хочет видеть германскую молодежь!

«Я хочу, унтеркауф — все молодые, — заявил Гитлер. — В моих орденских городах вырастет молодежь, от которой задрожит весь мир. Молодежь сильная, бесстрашная, жестокая — так, что хочется видеть... Я хочу, чтобы она обладала силой и красотой молодых индианок... Я не хочу никакого духовного воспитания. Знания только испортят мою молодежь...»

Я думаю от мысли провидеть

применяя аналогии между этими рассуждениями кровавого фюрера и тем, что происходит сейчас в Соединенных Штатах. Исторические аналогии нередко бывают рискованными. Американская реакция на преступление Говарда Ланга, ставшая основой розовой системы воспитания подрастающего поколения уже тогда бы потому, что весь уклад жизни США иной, нежели в Германии. Американцы органически не терпят муштры, ему претит казенная жизнь, его трудно увлечь такими забавами, как котормы, которыми увлекалась гитлеровская молодежь. Но не будем заблуждаться, однако, что Ку-Клукс-Клан существовал на этой земле еще тогда, когда Гитлера и в помине не было, что ветров здесь лихорадило до того, что гитлеровские и фашистские определенные круги американцев рассматривается как проявление доблести и мужества.

Гитлер муштровал казары будущую молодежь традиционными методами. Американская реакция вынуждены вводить более дряблую систему государственного элемента предпринимательства. Школы разные, но существование то же...

Эдгар Гувер и его коллеги, конечно, отдадут себе отчет в том, что рост преступности в США является для них не только, но и прежде всего угрозой общественникам и их собственности. При желании им было бы не так уж трудно поддаться естественному инстинкту: машина обладает для этого достаточными средствами принуждения. Но они, следуя политике дальнего прицела, предпочитают сегодня идти по дороге американской молодежи, чтобы получить в свой распоряжение «людей с крепким кулаком, которых не оставяли бы принципы, когда надо усилить контроль над собой».

Вот почему американские государственные деятели так бесстрашно конституируют рост преступности. Вот почему на экраны выхолят кадры американских молодых убийц и подстрекателей к убийству. Вот почему из радиоприемников непрерывно доносится восторженные и отрицательные критики, натуралистически воспроизводящие агонию задушенных. Вот



Этот снимок был опубликован в «Нью-Йоркском» газете «Дейли мейкс» с такой подписью: «Объясните убийства. 12-летнего Говарда Ланга, признавшего в убийстве 7-летнего приятеля Лоуи, приветствует его подружка Анна Май Занкс».

почему газеты надвываются от крика, оглушая своих читателей сенсационными афишами: «Куба была трих лет! Говорит, что чувствовала острую потребность в убийстве!», «Арест 15-летнего убийцы. Обвиняется в том, что заколот женщину в Бронксе!». Осенью 1947 года выс Америка говорила о двух страшных преступлениях, совершённых почти одновременно двумя школьниками. Эти преступления были совершены Говардом 12-летнего Говарда Ланга из Чикаго арестованного его приятеля, 7-летнего Лоуи Фелка. 14-летний Фред Шмительский из города Гаррисон задушил 10-летнего Джона Престона, своего двоюродного брата. Газеты посвящали целые полосы описанию этих преступлений. С откровенным индизамом они смаковали все подробности.

Но кто эти подростки, совершившие столь страшные убийства? Может быть, это просто выродки, патологически личности? Нет! Тем и характерны эти две истории, что их «героями» явились

Перед вами 2-летний Расселл Перд. Больничный диагноз гласит: «Ребёнок страдает от сотрясения мозга; оба глаза в кровотоке, оба глаза в кровотоке». Как выяснилось, ребёнок был избит чуть ли не до полусмерти его 25-летнего отцом за то, что открыл кран в ванной комнате.

ги, подлоги, продажу наркотиков... Я говорил до сих пор только о женской преступности потому, что подобные факты наиболее рельефно отражают всю глубину морального упадка определённой и притом значительной части американской молодежи. Своевременно напомнить, однако, что женская преступность является лишь одной из сторон той несправедливой картины

да. Удовлетворительный Дюжиков произносит:

«Ну, дай, дай, дай!»
 Одна неслучайно натормозилась на другую. Появнившись геологу Гришко Дюжиков рассказывает о посещении Дуни, которую он принимает за Любу. Обращенный Гришко бежит к Любе. Вбегает девушка Бубури и рассказывает о своих успехах. Вдруг она встает, услышав, что певича назвала Дюжикова Кирьяничковом. Но недоумение старика быстро рассеивается, и он уже словохотливо лепечет: «Вот как? Замените? Мы тут, да вы — сюда!» Дюжикова убеждает, чтобы прийти вместе выучку Дуню на «прослушивание» к Дюжикова, который должен её трогать и предложить ей ехать домой, в Тамбов. Появнившись Дюжиков убеждает, чтобы прийти к Дуню, заставляя её идти, но не отчаиваться, он предлагает ей ехать в Тамбов, но она ничего не понимает. Проходит одна за другой несколько сцен с матерью Любы Поповой, с Гришко, с женой Кирьяничкова, с девушкой Бубуриной. Кончается же все это «комедией» тем, что Дюжикова уводит в милицию.

Изображаемый авторами пьесы маскарад, может быть, и вызывает смех у людей с примитивным вкусом, но всё это, конечно, не имеет никакого отношения к жизни и выглядит по сути ложью. Советские люди предстают в пьесе в уродливо-картинном виде, примитивными и малодушными, с обязательски-

ми вкусами и нравами. Все поступки персонажей комедии фальшивы, от начала до конца.

Надумана прежде всего вся затея с Таймром. Зачем было приезжать Дюжикова из далекого Таймыра в Москву, если всё то, зачем он ехал, могло быть выполнено с успехом и без него? Разве мог нормальный человек отнестись к своему делу так, как отнёсся к нему командированный Дюжиков? Почему приехавший по делам филармонии Кирьяничков с такой безбашенностью перепоручает свои дела первому встречному? Господь Гришко ведёт себя, как мальчик приговорокша перед экзаменом, занимается, открывается в своих сокровенных чувствах перед первым встречным.

Убежден этот советский интеллигент настолько туп, что не в состоянии сам перебраться с любимой им девушкой, а вынужден прибегать к посредничеству совершенно незнакомых ему людей! Замечательный человек старик Бубури, едва начал разговор с Кирьяничковом, сразу обнаруживает своё невежество и ограниченность. Приходит к Дюжикову мать Любы Поповой, чтобы поговорить по поводу решения дочери ехать на Таймыр. Ошалевший от глупой игры Дюжиков принимает женщину за мать Луи и говорит о любви к её дочери. И что же? Почтенная мамаша не нахо-

дит в поведении Дюжикова ничего странного и обретает с ним общий язык.

Вот особенно уродливо и примитивно изображены отношения между дежурной и певичей:

— Поете?
 — Хорошее дело. А вы сами откуда будете?
 — Из филармонии.
 — Откуда?
 — Из филармонии.
 — Из-а, это бывает. И нравятся?
 — Ничего.
 — Это конечно. Человек, он ко всему привыкает! Вот, знаете, мы тоже предлагали на подобное хозяйство перейти. Потом мы ещё в чиншай бубурь звали...»

В довершение ко всем этим уродливым, некультурным людям авторы пьесы вытаскивают из архива старой провинциальной антрепризы чудовищного «человека в клетчатом пальто», предлагающего для «смакования классика» «синтетический номер — шаркирия игры с пенем».

Становится ясно, что авторы, тратящих свои силы на размыривание розовой «комедии». Но всё же более становится очевидно, что советских зрителей, которым преподносится это скверное полубо под видом искусства.

И. САФОНОВ.

самые обыкновенные, рядовые американские мальчишки.

В своих показаниях Фред Шмидельский заявил, что главной причиной, толкнувшей его на преступление, было... неодолимое стремление доказать людям, что он не «мямля» и не неженка. Говоря о решении убить двоюродного брата и о самом убийстве, он сказал, что «сцен эти он усвоил из кинокартин и радиопередат, посвященных преступлениям». Своего двоюродного брата Фред являл жертвой потому, что, по его словам, «это был болезненный мальчик, и его легко было убить». Далее, в соответствии со стандартным фильмом из жизни бандитов, он заранее составил письмо родителям Джэка, в котором предлагал им прислать за Джэка выкуп в тысячу долларов, угрожая в противном случае его убить.

Примерно так же сложилась история второго преступления, преступления Говарда Ланга, который зарезал своего 7-летнего приятеля. И эти трагедии целиком укладываются в рамки стандартной детективной истории.

В те дни в каждую неделю во всех газетах фотографировали этих двух юных преступников. Они старательно позировали фотокорреспондентам, мило улыбаясь. Газеты публиковали сотни снимков: преступники показывают полиции место преступления; преступник издевается над убитым; преступники со своим

друзьями; преступник со своим близкими; преступник на скамье подсудимых... Но ни на одном из снимков и не найдя на лицах этих подростков-убийц ни тени горды, подавленности, растерянности, раскаяния. Чувствовалось по всему, что невероятная шумиха, поднятая газетками вокруг них, доставляла им, кружа им голову, «после того, как он совершил свое преступление, Фред потребовал, чтобы ему показали газеты, в которых написано о нем. Он любовался своей ролью похитителя и убийцы» (сообщение одной из Нью-Йоркских газет 17 сентября 1947 г.).

Да, в 12 — 14 лет американские дети уже знают цену паблицити! Поднятая прессой шумиха только убеждала Шмидельского, Ланга и их сверстников в том, что кровавые игры стоят свеч. Ну как же после этого трогать слова на доказательство той истины, что растлевая американская пропаганда делает сейчас всё для того, чтобы осуществить ту же задачу, которую ставил перед собой Гатлер!

Я разговаривал со многими американцами о том новом наклоне нравов, которым отличились последние годы в Соединённых Штатах. Они все возмущались фактами, которые я приводил, и в свою очередь приводили новые факты, не менее жуткие и отвратительные. Но они не находили ответа на простой вопрос: что же

должно быть сделано для того, чтобы предотвратить нравственное вырождение и одичание подросткового поколения в Соединённых Штатах?

Один видный американский писатель с экстремистской сказкой писал: «Я работал в цепи мой радиоприемник, когда увидел, с каким странным выражением лица мой мальчик слушал детективную радиопередачу». Я спросил: «Вы уверены, что это спуск вашей цепи?» Он натурально и махнул рукой.

Сто лет назад авторы «Коммунистического Манифеста» отназились с гниющим сарказмом о «буржуазных разлагательных осях и воспитании, о тяжелых отношениях между родителями и детьми» и о «анасомокаральном ужасе» буржуа, наглядно показав, как аморалы по самой природе своей общественный строй, где все покоится на нажизне. Нет и не может быть «буржуазного успеха в обществе, в котором, как сказано в «Коммунистическом Манифесте», меняют «верность, любовь, честь на барыни от горючих оловянной шпатель, свислой и водкой».

Эти общепительные слова с новой силой звучат сегодня, когда жадные до нажизни поборники всякой марксово господства делают всё для того, чтобы оособить подростковое поколение американцев от остатков стыда, совести и чести.

КРОССВОРД

Составил А. Аркин

1	2	3	4	5	6	7	8	9
10	11	12	13	14	15	16	17	18
19	20	21	22	23	24	25	26	27
28	29	30	31	32	33	34	35	36
37	38	39	40	41	42	43	44	45
46	47	48	49	50	51	52	53	54
55	56	57	58	59	60	61	62	63
64	65	66	67	68	69	70	71	72
73	74	75	76	77	78	79	80	81
82	83	84	85	86	87	88	89	90

По горизонтали:

1. Вождь крестьянского движения XVII века. 2. Великий русский художник. 3. Заглавие, изображенное в рисунке. 4. Человек, вводящий новшества. 5. Женское платье. 6. Герой романа Лермонтова. 7. Французский романист. 8. Вид воды второго класса. 9. Герой романа Пушкина.

10. Река на севере СССР. 11. Метель. 12. Персонаж старых итальянских комедий. 13. Герой романа «Молодой гвардеец». 14. Геометрическая фигура. 15. Герой рассказа Чехова «Человек в футляре». 16. Расказ А. П. Чехова. 17. Река в Африке. 18. Советский актер. 19. Такс. 20. Кавалерист. 43. Обработанный шкура. 46. Род дельфинов. 48. Ре-

зультат распадающейся ядра. 49. Предмет обихода. 50. Гимнаст. 51. Равенство. 52. Столица государства. 53. Военные учения. 54. Героический русский крестер.

По вертикали:

2. Народное зреченье, требующее решения. 4. Крепостное укрепление. 5. Великий русский философ-просветитель. 6. Русский композитор. 8. Литературное произведение. 9. Якобизм, явление, проявившееся на корабле десантных войск. 10. Вождь Великой Французской революции. 12. Направление по компасу. 13. Наилоток. 16. Топор. 19. Город на Дальнем Востоке СССР. 20. Английский аристократ. 21. Занятие. 27. Герой драмы Лермонтова. 28. Колосок. 29. Метельное явление. 30. Герой поэмы. 36. Долженное лицо в древней Руси. 37. Метко сказанное слово или фраза. 38. Герой поэмы. 39. Город в Болгарии. 39. Имяные прилагательные. 40. Порт на севере СССР. 41. Советский писатель. 42. Герой драмы Стендаля «Бесприветливый». 43. Крепостное сооружение. 44. Птица. 47. Татарский хан.

ОТВЕТЫ

на кроссворд, помещенный в № 13

По горизонтали:

1. Эдгарский. 4. Илья. 5. Барет. 7. Нина. 8. Тот. 12. Султан. 13. Вагнер. 17. Нина. 18. Моль. 19. Кама. 21. Кавказ. 23. Хитрец. 27. Глина. 31. Загар. 32. Обман. 33. Мюшета. 34. Осер. 35. Сид. 41. Атлант. 42. Дыря. 45. Цырк. 46. Клад. 47. Агент. 48. Проба. 49. Ваши. 51. Такс. 51. Рота. 52. Рагу. 54. Матросов.

По вертикали:

2. Аист. 3. Рана. 5. Нина. 6. Арка. 8. Шалак. 9. Ангар. 11. Оловцо. 12. Тарак. 13. Сноп. 15. Рыва. 16. Мавриковский. 20. Лисичка. 21. Кавказ. 23. Дыря. 24. Уран. 25. Брег. 28. Зима. 27. Угол. 28. Крым. 29. Обет. 30. Зима. 36. Отлика. 37. Герань. 39. Сандра. 40. Крест. 42. Флора. 44. Анна. 46. Крот. 49. Борт. 50. Дур.



- ВМЕНА**
В номере:
- С. Крутилин — Будни.
 - У моголи Героя.
 - Лев Подвойский — «Варшавский».
 - Виктор Сусленников — Предьявитель.
 - Евгений Белов — Лесная дорога.
 - Поэты «Вальцовых». А. Филатов — Любимый Москвитин улок. К. Чирков — Сталь.
 - Н. Коцарь — Мертвая петля.
 - Завестная мечта. Фотоочерк.
 - Мария Фомина — Петушиное слово.
 - А. Антонов — Самая молодая Розмья.
 - Конст. Воеводкин — Дом-музей П. И. Чайковского.
 - К. Монсеева — Друг Гарибальди.
 - Юрий Жуков — Американские нравы (Юношачье).
 - И. Сафонов — Плохая песня.

На первой странице обложки: «У Московского университета» — рисунок Я. Титова.

На четвертой странице обложки: пейзаж «Студенческая застольная». Слова О. Фадеевой, музыка А. Островского.

Оформление номера художника В. Урина.



Редакционная коллегия: Н. Асеев, Е. Долматовский, Н. Жуков, М. Ногов, А. Носомодельский, Г. Куликов, В. Линдин, Б. Пелевой.

Адрес редакции: Москва, 40, ул. «Правды», 24. А — 62394. Подписано к печати 10/VI 1948 г. Зак. № 1700. Тираж 60.000 экз. Изд. № 621.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

